

КНИГА ЕККЛЕЗИАСТА И ДРЕВНИЕ ШУМЕРСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

Архимандрит СЕРГИЙ
(Акимов)

Минская духовная семинария, бакалавр богословия — 1995; Санкт-Петербургская духовная академия, кандидат богословия — 1999; доцент кафедры библеистики и христианского вероучения Института теологии Белорусского государственного университета — 2004; доцент Минской духовной академии — 2011; доктор богословия — 2013; ректор Минской духовной академии — с 2014 г.

Имея вид царского поучения, библейская Книга Екклезиаста содержит в себе ряд наставлений и высказываний, которые являются поговорками, пословицами, притчами. Некоторые из высказываний Екклезиаста напоминают слова, которые мы встречаем в клинописных текстах Древней Месопотамии, относящихся к самому началу письменности, к эпохе древних шумеров.

1. Литература мудрости Древнего Шумера. Пословицы и поговорки

Как народ, шумеры прекратили свое существование уже тогда, когда были записаны первые строки Библии. Тем не менее, шумеры оказали значительное влияние на целый ряд библейских книг. Культурное, литературное, религиозное наследие шумеров коснулось еврейской традиции через посредство древних семитских народов Междуречья: через аккадцев, вавилонян, ассирийцев.

Связь шумерского наследия с библейской традицией казалась многим исследователям настолько очевидной, что в прошедшем веке они стремились найти непосредственное упоминание о Шумере в тексте Библии. При этом в первую очередь обращали внимание на упоминание в книге Бытие земли Сеннаар (Быт. 10:10; 11:2) и сеннаарского царя (Быт. 14:1), отождествляя Шумер с Сеннааром¹

Анри Пибель, один из первых шумерологов, в 1941 г. высказал предположение о том, что наименование Шумера связано с именем Сима, сына библейского Ноя². Разделяя это предположение, С.Н. Крамер заявлял: «Значительная доля шумерской крови текла в жилах предков Авраама, которые в течение целых поколений жили в Уре или других шумерских городах. Что касается шумерской культуры и цивилизации, нет сомне-

ния в том, что протоевреи впитали и ассимилировали многое из жизни шумеров. Так что весьма вероятно, что шумеро-еврейские контакты были гораздо более близкими, чем принято полагать, и закон, пришедший из Сиона (Ис. 2:2), многими корнями своими уходит в землю Шумера»³. Но даже если и не разделять мнение данных шумерологов о кровном родстве Древнего Израиля и Шумера, литературные параллели, связывающие традиции этих хронологически далеких друг от друга народов, свидетельствуют об их определенном духовном родстве.

В связи с Книгой Екклесиаста нас может интересовать тот пласт шумерской литературы, который обычно называют литературой мудрости. Одним из первых исследователей шумерских памятников литературы мудрости был С.Н. Крамер. Первый обзор шумерской литературы мудрости написал Ван Дийк, уделивший особое внимание шумерской школе⁴. В своем отзыве на эту книгу Э. Гордон отмечал, что к литературе мудрости следует относить те «литературные тексты, содержание которых, так или иначе, связано с жизнью и природой и оценкой их человеком, основанной на непосредственном наблюдении или понимании. Это тексты, затрагивающие такие практические вопросы, как экономические и социальные отношения, этические ценности и эстетическая оценка общества и индивидуума»⁵. Согласно классификации Э. Гордона, к произведениям древней месопотамской литературы мудрости относятся притчи, или пословицы и поговорки (Proverbs); басни (Fables and Parables); сказки (Folktales); небольшие эссе (Miniature «Essays»); загадки (Riddles); школьные композиции (Edubba Compositions); диспуты (Wisdom disputations or «Tensions»); сатирические диалоги (Satirical Dialogues); практические советы (Practical Instructions); наставления (Precepts); поэмы о невинном страдальце (Righteous Sufferer Poems)⁶. Вместе с тем, границы литературы мудрости и классификация относящихся к ней памятников остается

предметом дискуссий⁷. Из исследователей, уделяющих особое внимание изучению шумерской литературы мудрости, следует выделить Б. Альстера, который занимается данной проблематикой с 1971 г., автора многочисленных публикаций, в том числе книги «Мудрость Древнего Шумера»⁸.

Не вызывает сомнения, что литература мудрости получила свое начало от наблюдений над явлениями человеческой и природной жизни, зафиксированных в пословицах и поговорках. Иными словами, истоком литературы мудрости является народная мудрость, нашедшая свое выражение в метких высказываниях, остроумных замечаниях, притчах. С.Н. Крамер подчеркивал, что пословицы и поговорки связаны с обычной человеческой жизнью, с бытом, в них ярче всего проявляется дух народа, «ибо они открывают нам его истинные устремления и чаяния, и те внутренние побуждения, которые лежат в основе повседневной человеческой деятельности, и которые поэты стараются в своих литературных произведениях принарядить и приукрасить»⁹.

Такая народная мудрость во все времена имела межнациональный и общечеловеческий характер. Тот же С.Н. Крамер писал: «Если вы когда-нибудь вдруг усомнитесь в единстве человеческого рода, в общности всех народов и рас, обратитесь к пословицам и поговоркам, к народным афоризмам и изречениям. Пословицы и поговорки лучше всех других литературных жанров взламывают панцирь культурных и бытовых наслоений каждого общества, обнажая то основное и общее, что свойственно всем людям, независимо от того, где и когда они жили или живут»¹⁰.

Поэтому достаточно сложно однозначно утверждать о зависимости литературы мудрости одного народа от традиции другого народа. Вместе с тем, в случае с библейскими текстами и текстами

клинописными, предположение о возможном литературном влиянии может основываться на значительном хронологическом первенстве литературы народов Месопотамии по отношению к литературе древнего израильского народа, на географической близости этих народов, а также на несомненном культурном и политическом влиянии, которое оказывали государства Древней Месопотамии на Древний Израиль. Во всяком случае, рассмотрение древних пословиц в связи с Книгой Екклесиаста, которая, несомненно, несет на себе следы древних поговорок и поучений, может дать ключ к пониманию содержания самой Книги Екклесиаста.

Перед рассмотрением отдельных памятников шумерской мудрости следует обратить внимание на некоторые общие особенности шумерской литературы¹¹. Во-первых, шумерская литература — это литература устная, рассчитанная на восприятие слухом и эмоциями (а не зрением и воображением). Отсюда в ней присутствуют, например, частые повторы, т. е. те черты, которые способствовали лучшему ее запоминанию. Во-вторых, эта литература отличается стойкостью письменной традиции и особой любовью к цитации. Шумерские памятники копировались в Уруке и Вавилоне вплоть до II в. до Р. Х. Шумерские и аккадские писцы тщательно изучали литературные памятники прежнего времени и любили их цитировать. В ряде случаев литературное творчество было процессом переосмысления уже имеющегося литературного наследия. «Иным было и отношение древних к авторству — проблема плагиата не стояла, поскольку поэт ощущал себя приемником и передатчиком высшего творческого начала», — отмечает В. Афанасьева¹². Собственно, такие же черты имеет и библейская литература, в которой мы встречаем отголоски устной эпической традиции и постоянную цитацию (для этого достаточно взглянуть в указатель параллельных мест).

О древних шумерских пословицах стало известно лишь в первой половине XX в. В 1934 г. Эдвард Кьера опубликовал ряд текстов с пословицами, происходящими из Ниппура и относящимися к XVIII в.¹³ до Р. Х. Публикации и исследования сборников шумерских пословиц начались с 1950—1960-х гг. В то время изучением шумерских поговорок занимался С.Н. Крамер¹⁴, который работал с изречениями, записанными на табличках, хранящихся в Стамбуле и музее Пенсильванского университета в Филадельфии, а также Эдмунд Гордон, который опубликовал целые сборники шумерских притч¹⁵. В настоящее время активную работу по исследованию и изданию шумерских притч ведет Б. Альстер¹⁶. Доступное собрание шумерских притч имеется на Интернет-сайте «The Electronic Text Corpus of Sumerian Literature» (Faculty of Oriental Studies, University of Oxford)¹⁷.

Шумерские притчи и поучения находятся непосредственно как в отдельных собраниях, так и в литературных текстах самых разных жанров, в которые они вкраплены в соответствии с общим контекстом произведений¹⁸. Они встречаются и в эпических произведениях, и в школьных диалогах и литературных дебатах, и в гимнах, и в дидактических композициях. Употребление поговорок в школьных текстах говорит о том, что сами собрания поговорок могли использоваться в практических целях, при составлении с учебными целями различных текстов. Поворотки как цитаты в произведениях разных жанров можно вычленить, опираясь на собрания поговорок, в которых мы встречаем те же самые высказывания. Цитаты-поговорки можно выделить и при сравнении текстов произведений, в которых встречаются одинаковые изречения. Вместе с тем, некоторые тексты, например, «Почтение Шуруппака», содержат поговорки, которых нет в известных собраниях изречений.

Исследователи шумерских пословиц и поговорок отмечают, что подобного рода тексты сложно переводить вследствие их предельной лаконичности¹⁹. Особенно это может касаться притч, вошедших в специальные сборники. Общий принцип комплектования таких сборников неясен. Впрочем, иногда можно видеть рядом изречения одной тематики. Почти в половине сборников изречения объединялись в группы в соответствии с первыми знаками, т. е. по принципу ключевого слова²⁰.

Много пословиц и поучений дошло до нас из архивов Шуруппака и Абу-Сальябиха. Особенно активно дидактические тексты записывались писцами Ниппура, Ура и Иссина уже после гибели цивилизации шумеров²¹.

Шумерские пословицы и поговорки относятся к числу памятников назидательной литературы, которая предназначалась в первую очередь для образования и воспитания. Как отмечалось, кроме пословиц и поговорок, к литературе этого рода относятся поучения, диалоги-споры о превосходстве, басни и сценки из школьной жизни. Сами же пословицы и поговорки были излюбленным материалом для тренировки навыков письма и устной речи. Они послужили основой для таких назидательных шумерских произведений, как «Почтение Шуруппака» и «Премудрые советы».

Пословицы и поговорки любого народа отражают свойственное данному народу восприятие жизни, волнующие народ проблемы, значимые для народа ценности. Как отмечал С.Н. Крамер, в этической области шумерские документы «свидетельствуют о том, что шумеры ценили и почитали благочестие и правду, закон и порядок, справедливость и свободу, мудрость и ученость, храбрость и преданность, короче, все из возможных желательных человеческих качеств и добродетелей»²². Вместе с тем, С.Н. Крамер подчеркивал,

что шумерские тексты говорят о том, что создавший их народ отличался честолюбием, состязательностью, агрессивным, далеким от этического, стремлением к превосходству, престижу, победе и успеху²³. Именно это психологическое побуждение определяло поведение шумеров и накладывало особый отпечаток на их образ жизни. «Впервые к мысли о том, что воля к главенству, честолюбивое желание во что бы то ни стало одолеть соперника, является довлеющим источником мотивации шумерского поведения, я пришел в ходе подбора фрагментов и перевода шумерских поэм и эссе, называемых самими шумерскими писателями спорами или диспутами», — писал С.Н. Крамер²⁴. Действительно, жанр спора имел у шумеров немалую популярность. Сохранился целый ряд шумерских литературных диспутов, например, диспуты «Меди с серебром», «Лета и зима». В соответствии с этим, и в образовании шумеров большую роль играло соревнование в схватке за превосходство и первенство²⁵.

С.Н. Крамер также отмечал, что шумерские пословицы отражают пронизывающие человеческую жизнь парадоксы и противоречия²⁶. В этом своем аспекте шумерские пословицы могут быть особо интересны в связи с Книгой Екклесиаста. Пословицы фиксируют многогранность бытия, человеческую жизнь во всех ее деталях, во всех ее проявлениях, не особо пытаясь согласовать или снять эти противоречия. «В шумерских текстах доминируют отождествления, сравнения, эмоции и практически не встречается обобщение, — отмечает современный российский исследователь В.В. Емельянов. — Шумерские научные интуиции состоят из наблюдений и ощущений, не нашедших выхода в теоретическом выводе»²⁷. Опираясь на классификацию английского философа и психолога В. Джемса, который в начале XX в. разделил людей на эмпириков и рационалистов, В.В. Емельянов относит шумеров к психологическому типу эмпириков: «Рационалист — «поклонник

абстрактных и вечных принципов», а эмпирика Джемс считает «любителем фактов во всем их необработанном многообразии». Рационализм всегда монистичен. Он начинается с целого и универсального и приводит к единству. Эмпиризм, напротив, начинается с части и превращает целое в собирательное»²⁸. Рационалист признает свободу воли, он идеалистичен, для эмпирика характерен фатализм и материалистическая установка; мышлению рационалиста угрожает догматизм, мышлению эмпирика — скепсис²⁹. Говоря о шумерах как эмпириках, В.В. Емельянов отмечает, что они были «любителями фактов, превращали целое в нечто собирательное (плюралистичны), были склонны к фатализму, сенсуалистичны и материалистичны. Что касается скепсиса, то они до него просто не дожили»³⁰. Шумеры были увлечены жизнью и игнорировали загробный мир. Особое внимание они уделяли не человеческой личности, а природному порядку. Это все проявилось в поговорках и поучениях шумеров.

Некоторые черты эмпирического мировосприятия мы можем находить и в Книге Екклесиаста. Эмпиризм является своеобразным фоном авторских размышлений. Библийский автор созерцает незыблемый мировой порядок, видит жизнь во всех ее проявлениях и противоречиях, обращает внимание на реальные факты из жизни, пытается дать советы как выжить в сложном и противоречивом мире, проявляет склонность к фатализму. Он же приходит и к скепсису, пытаясь рационализировать происходящее в мире, ставя в центре своей картины мира не природу, а самого себя.

2. Книга Екклесиаста и шумерские притчи. Положительный взгляд на мир: воздаяние за поступки, мудрый и глупый, сила слова

Литература мудрости уходит корнями в народную мудрость. Народная мудрость так же межнациональна, как и сама древняя тради-

ция мудрости. Поэтому нет ничего удивительного в том, что изучение корней библейской книги заводит нас к мудрости народа, который жил на территории, находящейся в границах древнего библейского мира.

Шумерские поговорки отражают традиционное представление о правильном поведении как залоге жизненного успеха. В Книге Екклесиаста также выражается подобный положительный взгляд на мир. Пословицы утверждают, что если человек будет угождать богам, творить жертвы, то ему будет сопутствовать удача:

«Жертвы творят жизнь (sizkur₂-re nam-til₃ i₃-u₃-tud)» (3:120);

«Пусть мои дары в присутствии бога никогда не прекратятся (nij₂-cu-dug₄-ga-ju₁₀ ki diir-ra-na nam-ba-e-til-en)» (4:52);

«Страх бога создает добрую судьбу (участь) (ni₂-tej₃-je₂ nam-sag₉-ga in-tu-ud). Плач освобождает от греха (er₂ nam-tag al-/du₈-am₃\\). Жертвы продлевают жизнь (sizkur nam-til₃ ba-ab-tah-e)» (26:a12)³¹.

Человеческий успех в этом мире во многом зависит от благоволения богов:

«Человек без бога не раздобудет много пищи, не раздобудет и мало пищи.

Спускаясь к реке, он не поймает рыбы.
Спускаясь к степи, он не поймает газель.
Когда он хвастается, он не получит ничего.
Когда он стремится, он не получит ничего.
Но если его бог благоволит к нему,
Все, что он назовет, будет даровано ему»³².

Книга Екклесиаста, как и поговорки шумеров, призывает исполнять свой долг перед Богом, быть верным Богу, бояться Бога, не нарушать данных Ему обетов: «Следи за своей ногой, когда идешь в дом Божий, и будь ближе к тому, чтобы слушать, чем к тому, чтобы приносить жертвы (в знак принесения

обета), как глупцы, которые не понимают, что делают зло (מַתַּת הַכְּסִילִים זָכַר כִּי־אִנּוֹם יוֹדְעִים לַעֲשׂוֹת רָע) (שְׁמֵר הַנְּלִיד הַנֶּלֶךְ, כְּאִשֶּׁר חִלָּךְ אֶל־בֵּית הָאֱלֹהִים וְקָרֹב לִשְׁמַע). Не торопись твоими устами, и твое сердце пусть не спешит вывести слово пред лицом Бога (עַל־פִּיד וְלִבְךָ אֶל־יְמִתְּךָ לְהוֹצִיא דָּבָר לִפְנֵי הָאֱלֹהִים) (אֶל־תְּהַבֵּל), потому что Бог на небесах, а ты на земле (כִּי הָאֱלֹהִים בְּשָׁמַיִם וְאַתָּה עַל־הָאָרֶץ), поэтому пусть будут немноги твои слова (דְּבָרֶיךָ מְעַטִּים) (עַל־כֵּן יִהְיוּ). Потому что как являются сны во множестве трудов (כִּי בָּא הַחֲלוֹם בְּרַב עֲמָל), так и голос глупого — во множестве слов (דְּבָרִים וְקוֹל כְּסִיל בְּרַב). Когда будешь клясться клятвой (давать обет) Богу — не откладывай его исполнение (אֲשֶׁר חָדַר נָדַר לְאֱלֹהִים אֶל־תֵּאָחֵז לְשָׁלוֹם), потому что нет благоволения к глупым, дав обет — исполни (בְּכִסִּילִים אַתָּה אֲשֶׁר־חָדַר שָׁלֵם) (כִּי אֵין חֲפֵץ לֵאחֲזֹר מִשְׁתָּדוֹר וְלֹא תִשְׁלֵם). Лучше не давать обет, чем давать обет и не исполнять (אֶל־תִּתֵּן אֶת־פִּידְךָ לְחֵטִּיא אֶת־בִּשְׁרָךְ), и не говори перед лицом вестника (храмового служителя), что это ошибка (הַמֵּלֶאכֶד כִּי שֶׁגָּהָהּ) (וְאַל־תֵּאָמַר לִפְנֵי אֶת־מַעֲשֵׂה יָדֶיךָ). Зачем гневаться Богу на твой голос и губить дело твоих рук (אֶת־מַעֲשֵׂה יָדֶיךָ)? Ведь пустота — как во множестве снов, так и во многих словах. Потому Бога бойся (כִּי אַתָּה־הָאֱלֹהִים יְרָא) (כִּי בְּרַב חֲלָמוֹת וְתִבְלִים וְדְבָרִים הָרַבָּה) (Еккл. 4:17 — 5:6). Следует только отметить, что представления о жертве у Екклезиаста и у шумеров принципиально отличаются. Жертва, о которой говорится в указанном библейском отрывке — это только знак принесенного обета, в то время как в шумерских текстах жертва — это в первую очередь ритуал кормления божества. Неоднократно говорит Книга Екклезиаста и о зависимости успеха от благоволения Бога (Еккл. 2:24—26; 5:18; 9:7).

Поговорки подчеркивают, что человек должен вести себя правильно и по отношению к богам, и по отношению к другим людям. Зло, причиненное другим людям, возвращается назад: «Тот, кто обижает — обижен (in dub₂-dub₂-bu-ra in mu-na-an-jar), тот, кто высмеивает — высмеян (giri₁₇ ur₃-e giri₁₇ mu-na-an-ur₃-/re\»)» (3:69).

Человека, который любит хвастаться и лгать, ждет наказание: «Наказание определено хвастуну, его поражают болезни (sun7-na nam-tag al-ja₂-ja₂ a₂-sag₃ al-il₂-il₂)» (3:121); «Не увеличивай зло ложью (til₃-la lul-la hul na-an-gu-ul-/e\), иначе гибель станет твоим уделом (gam ha-la-zu mu-un-/jal₂\»)» (7:48).

Книга Екклезиаста также говорит о том, что человек несет ответственность за свои поступки:

«Роющий яму упадет в нее (חפר נומץ בו יפול), а разрушающего ограду укусит змея (נקש ופרץ נדר ישכנו)» (Еккл. 10:8);

«Я сказал — я с сердцем моим (אני בלביי) — праведника и нечестивого будет судить Бог (אתהצדיק ואתהרשע ישפט האלהים), потому что миг — всякому наслаждению и (суд) — всякому делу (על כל־מעשה שם)» (Еккл. 3:17);

«Веселись, юноша, в молодости твоей, и пусть убажается сердце твое в дни юности твоей (בגלותך ויטיבך לבך בימי בחורותך) (שמח), и ходи по путям сердца твоего, и по смотрению глаз твоих (בדרך לבך ובמראי עיניך) (והלך), но знай, что за все это приведет тебя Бог на суд (כי על־כל־אלה וביאד האלהים במשפט ירע)» (Еккл. 11:9);

«Всякое дело приведет Бог на суд (בא במשפט) (אח־כל־מעשה האלהים), все сокровенное, доброе и злое (על כל־נעלם אסוב ואסרע)» (Еккл. 12:14).

В шумерских поговорках мы встречаемся со сравнением нравственной деятельности человека с плаванием в лодке. Подобного рода сравнение характерно и для литературы Древнего Египта. «Когда надежная лодка плывет (gisma₂ nij₂-gen₆-na ni₂ ba-ra-ab-dirig), Уту высматривает для нее надежную гавань (dutu kar gen₆-na mu-un-na-ab-ci-kij₂-kij₂). Когда нечестивая лодка плывет (gisma₂ nij₂-erim₂-e ni₂ ba-ra-ab-dirig), она устремляется на мель (pec₁₀-pec₁₀-e im-ta-/

tag\-[tag]-e)» (1:83—84). Живя правильно, человек заботится о своем будущем, потому что преступления неизменно наказуемы: «Тот, кто говорит: «Я буду жить сегодняшним днем», подобен быку, привязанному веревкой к носу (ud-da ga-ti₃-e gud-gin₇ /saman\ [bi₂-in-la₂])» (3:33).

В Книге Екклесиаста нет сравнения нравственной деятельности с плаванием, если только не истолковать в этом смысле отрывок Еккл. 11:133, но мысль о том, что будущее нечестивого человека будет печальным, а праведного — благословенным, прослеживается в целом ряде мест:

«Человеку, который благ перед Его лицом, Он дает мудрость, и знание, и веселье (וְדַעַת וְשִׂמְחָה לְדָעַת וְשִׂמְחָה), а согрешающему Он дает труд собирать и складывать, чтобы дать благому перед лицом Бога (לְחַסֵּד לְטוֹב לְפָנֵי הָאֱלֹהִים)» (Еккл. 2:26);

«Соблюдающий заповедь не узнает никакого зла (שׁוֹמֵר מִצְוָה לֹא יָדַע דָּבָר רָע)» (Еккл. 8:5);

«Хотя согрешающий делает зло сто раз и продолжает это (אֲשֶׁר חָטָא עָשָׂה רַע מֵאָדָּם וּמִיָּדָיו לוֹ), но я также знаю, что будет благо боящимся Бога, которые будут бояться Его лица (מִלְּפָנֵי הָאֱלֹהִים), и не будет блага злему (וְטוֹב לֹא יִהְיֶה לְרָשָׁע), и не продлится днями, как тень, тот, кто не боялся лица Бога (כִּצְלַל אֲשֶׁר אֵינּוּ יִרָא מִלְּפָנֵי אֱלֹהִים)» (Еккл. 8:12—13).

Шумеры сравнивали бога с пастухом, который проявляет заботу о тех, кого он пасет: «Личный бог человека — это пастух, который находит для человека пастбище (/dijir\ lu₂-ulu₃ sipad u₂ kij₂-ja lu₂-ulu₃-kam). Пусть он ведет его как овцу к пище, чтобы он ел (udu-gin₇ u₂ gu₇-a he₂-en-tum₂-tum₂-mu)» (3:134). В Книге Екклесиаста также говорится о Боге, который промышляет о человеке (хотя этот взгляд в ней и подвергается сомнению). Кроме того, в отрывке Еккл. 12:11 под пастухом может

пониматься Бог, который является источником всякой мудрости: «Слова мудрых — как острые прутья (דְּבָרֵי חֲכָמִים כְּדִרְבָּנוֹת) и вбитые колья (וְכַמְשִׁמְרוֹת נְטוּעִים), составители собраний поговорок поставляются одним пастырем»³⁴. Слова наставления, происходя от Бога, подгоняют человека, корректируют его жизненный путь, поведение, как пастушеский прут направляет движение стада, а также оберегают от опасностей, подобно вбитым в землю кольям.

В произведениях литературы мудрости неизменно противопоставляются мудрость и глупость, мудрый и глупый. В шумерских поговорках подчеркивается преимущество мудрого человека: «Никто не может соперничать с мудрым человеком (/kug\ - zu nu-mu-un-da-sa₂)» (9:a11). В Книге Екклесиаста также подчеркивается превосходство мудрого перед глупым: мудрость подобна свету, а глупость — тьме (Еккл. 2:13—14), глупый царь может потерять власть (Еккл. 4:13—14), мудрый бедняк может спасти целый город (Еккл. 9:15).

Шумерские притчи особо подчеркивают и высмеивают такое качество глупого человека, как многословие: «Глупец многословен (hu-gu-um ka tuku)» (3:103); «Как анус портит воздух, так говорящий производит избыточные (чрезмерные) слова (gu-du/-e² ce₁₀ dur₂-e dug₄-ge /inim di₂ig\ -ge am₃-ta-ab-tum₃)» (4:62). Книга Екклесиаста также выделяет это качество глупца, добавляя, что многословие несет глупцу неприятности и гибель:

«Потому что как являются сны во множестве трудов (כִּי כַּאֲשֶׁר הֵיחִלּוּ בְּרַב עֲמָלָה), так и голос глупого — во множестве слов (כִּסְלִיל בְּרַב דְּבָרִים) ... Зачем гневаться Богу на твой голос и губить дело твоих рук (חֲבַל אֶת-מַעֲשֶׂה יָדָיִךְ) (לְמָה יִגְעַף הָאֱלֹהִים עַל-קוֹלְךָ)» (Еккл. 5:2, 5);

«Как мертвые мухи делают зловонным, испорченным благовоние парфюмера (זֶבֶבִּי מִתְּחַבֵּאִשׁ וְיִרֵעַ שָׁמֶן), так и незначительная

глупость *может* *оказаться* влиятельнее мудрости и славы (מִחֲכָמָה מִכְבוֹד סְכָלוֹת מֵעַשׂ) «(יִקָּר)» (Еккл. 10:1)³⁵;

«Слова уст мудрого *даруют ему* милость, а губы глупого проглатывают (*gubāt*) его самого (וְשִׁפְחוֹת פִּסִּיל חֲבִלָּעֻנּוֹ) (דְּבָרֵי פִי־חָכָם חֵן וְשִׁפְחוֹת פִּסִּיל חֲבִלָּעֻנּוֹ). Начало слов *из* уст его — глупость, а *конец* слов *из* уст его — злое безумие (פִּדּוֹ דָּרָה) (תַּחֲלֹל דְּבָרֵי־פִיָּהוּ סְכָלוֹת וְאַחֲרֵיהֶם) (וְהִכָּבֵל יִרְבֶּה דְּבָרִים)» (Еккл. 10:12–14).

Вместе с тем, шумерские поговорки не одобряют человека, который скрывает свои познания: «Кто знает, но не говорит, тот глупец (zu-a nu-di is-hab₂-ba-am₃)» (9:a10).

Древние шумеры не одобряли многословие глупцов и потому, что они подметили ту особую силу, которой обладает человеческое слово: «Из уст человека исходит сила (usu ka lu₂-ta\ am₃-kur₉-kur₉)» (9:a5); «Мои уста позволяют мне состязаться с другими людьми (/ka\-ju₁₀ lu₂ mu-da-ab-sa₂-e)» (3:185). Слово может нести и созидание, и разрушение, может помогать в решении многих проблем, но может и создать дополнительные проблемы: «Доброе слово — друг многих людей (inim dug₃ gu₅-li lu₂ sa₂-ga-ka)» (3:159); «Разрушительное слово — четыре быка, запряженные вместе (inim gulla gud 4 la₂-a)» (3:160); «Сердце никогда не порождает ненависть (sa₉-ge sa₉ hul gig nu-ub-tu-ud), слова порождают ненависть (dug₄-ge sa₉ hul gig ib₂-tu-ud)» (1:105).

Книга Екклезиаста также говорит о силе слова человека. Мудрые слова действеннее, чем крик, а мудрость сильнее оружия: «И я сказал — я сам (וְאִמַּרְתִּי אֲנִי) — мудрость лучше силы (טוֹבָה חֲכָמָה מִכְבוֹדָה) ... Спокойные слова мудрых слышны (לֵחִישׁ), чем крик правителя среди глупых (מִנְעֻקַּת מוֹשֵׁל בְּכַסִּילִים) (דְּבָרֵי חֲכָמִים בְּנִחַח נִשְׁמָעִים). Мудрость лучше, чем орудия битвы (טוֹבָה חֲכָמָה מִכָּלִי קָרֵב)» (Еккл. 9:16-18). Слова глупца губят его же самого. Человек должен следить за своими словами, остерегаться злословить богатых и сильных:

«И в мыслях твоих не умаляй царя (חֲקֹלֵל־נָם בְּמַדְעֶךָ מֶלֶךְ אֱלֹהִים), и внутри кровати твоей не умаляй богатого (וּבְחִדְרֵי מִשְׁכַּבְּךָ אַל־תִּקְלֹל עֲשִׂיר)», потому что птица небесная унесет твой голос, и обладающая крыльями сообщит слово (וְלִידֵךְ אֶת־הַקּוֹל וּבַעַל הַכְּנָפִים יַגִּיד דְּבָרְךָ) (Еккл. 10:20).

В шумерских поговорках часто упоминаются животные. В связи с Книгой Екклезиаста могут представлять интерес образы пса и льва. В рассуждениях Екклезиаста о том, имеет ли смерть преимущество перед жизнью, мы сталкиваемся, очевидно, с текстом народной поговорки, в которой противопоставляются живой пес и мертвый лев: «Тот, кто среди всех живых, имеет надежду (יֵהָבֵר) אֶל כָּל־הַחַיִּים יֵשׁ בְּשִׁחוֹן) (כִּי־מִי אֲשֶׁר יִבְחַר לִלְכָּב הִי הוּא טוֹב מִן־הָאֲרִיָּה הַמֵּת)» (Еккл. 9:4). Пес и лев встречаются (по отдельности) в шумерских поговорках достаточно часто. Пес представлен как животное, которое призвано служить человеку, которое постоянно выполняет приказы и пресмыкается, которое порой не имеет постоянного пристанища, которое часто подвергается наказанию:

«Псы работорговца ожидают повелений ... (ur cub₆-ba saj KA.DU ha-ha-za): «Куда ты идешь? Наза! Стоять!» (me-ce₃ gi₄-mu-un-ze₂-en gub-ba)» (2:107);

«Он ненавидит присмыкаться как собака (ur-gir₁₅-gin₇ ki za-za hul a-/ab\-gig)» (5:92);

«Пес, который не знает дома (ur ki-tuc-bi nu-mu-zu-a)» (2:114);

«Ты как пес, не имеющий места для сна (ur-gin₇ ki-nu₂ nu-e-tuku)» (5:111);

«Пес сказал своему хозяину (ur-gir₁₅ lugal-a-ni-ir na-ab-be₂-a): Если тебя не волнует мое удовольствие (tukum-bi nam-sag₉-ga-ju₁₀ ba-ra-jal₂), то и моя потеря — также» (i-bi₂-za-ju₁₀ nu-ra-jal₂-e-ce)» (5:78);

«Он рычит, как собака, которую бьют деревянной палкой (ug-gir₁₅ gicellag ra-gin₇ dum-dam i₃-ib₂-za)» (5:93)³⁶.

Лев представляет полную противоположность собаке, он отличается величиим, силой, могуществом, он хищник, который хватает других животных (см., например: 5:55-68).

Шумерские пословицы включают ряд житейских наблюдений, которые также отражены в пословицах, включенных в Книгу Екклесиаста. Когда в библейской книге говорится о преимуществе жизни и деятельности в содружестве, то в качестве одного из аргументов преимущества компаньонства приводится поговорка: «И тройная нить не сразу порвется (הַמִּשְׁלָּשׁ לֹא בְמַהֲרָה יִרְחָץ)» (Еккл. 4:12). Эта поговорка имеет буквальную близость с поговоркой, включенной в шумерское сказание о Гильгамеше «Жрец к «Горе бессмертного»...»: «Лодка с грузом в воде не тонет! Нить тройную нож не режет! [Один двоих] не осилит! В тростниковой хижине огонь не гаснет. Ты мне стань подмогой, я тебе стану подмогой, что может нас погубить?» (106а–110)³⁷. В. Афанасьева, которая переводила данное шумерское произведение на русский язык, отмечала связь процитированного фрагмента и отрывка из Еккл. 4:12 и, имея в виду множество параллелей между Библией и шумерской литературой, писала: «Эти буквально вырванные из контекста фразы справедливо могут дать повод к обвинению в некорректности сравнений, и каждая параллель, взятая сама по себе и в отдельности, нуждается в каком-то объяснении, более конкретном, чем случайные или полуслучайные совпадения, но только в том случае, если бы их не было так много, потому что такие примеры можно подбирать и подбирать...»³⁸.

3. Отношение к существующему общественному порядку. Смирение человека

Пословицы древних шумеров говорят о том, что этот народ считал важным под-

держивание существующего порядка вещей, сохранение социальной системы, системы разделения труда. Каждый человек должен занимать свое определенное место и выполнять свои определенные обязанности. Жители Древней Месопотамии высоко ценили установленный порядок. По мнению Т. Якобсена, в древнем месопотамском восприятии «вселенная, как организованное целое, была обществом, государством», «положение человека во вселенском государстве в точности соответствовало положению раба в человеческом городе-государстве», а полноправными гражданами являлись божества³⁹. Это подтверждается и шумерскими поговорками, которые признавали ничтожность человека по сравнению с божествами: «Оценивать землю — дело богов, я же только покрыт пылью (ki ab-/kal diji_r\-ra-kam sahar-ra-am₃ bi₂-ib₂-cu₂-cu₂-un)» (4:59); «То, что было разрушено богом, никто не в силах восстановить (nij₂ ha-lam-ma diji_r-ra-kam cu TU.TU nu-ub-zu)» (1:7).

Пословицы говорят и о недопустимости нарушения существующего порядка. Все в мире имеет свое предназначение, и все должно соответствовать своему предназначению: «Мотыга не может рубить дрова. Вилы не могут рубить дрова (gical₂ nu-kud gickibir₂ u₂ nu-kud)» (2:139); «Для дворца нужна роскошь (e₂-gal a-ri-a nu-da₁₃-da₁₃), для барки — солома (gisma₂-gur₈ in-nu-da nu-[da₁₃-da₁₃]), для человека — тяжелый труд (/dumu\-gir₁₅ du-lum-ma nu-da₁₃-/da₁₃\)» (14:20). Существующий порядок неизменен: «Как может лягушка встать. Как может она даже сесть (bi₂-za-za a-na-am₃ gub-ba-ni a-na-am₃ tuc-a-ni)» (22.II.233–235).

Превосходство божеств над человеком, неизбежность установленного порядка требуют от человека смирения и покорности: «И дворец, и мир нуждаются в покорности их обитателей (e₂-gal iri₁₁-gal sag₄-bi tec₂-a ab-sig₁₀-ge₃)» (14:19). Человек должен жить кротко, совершая положенное, он — ограниченное существо, находящееся

во власти многих сил, превосходящих его: «Может, ранний ячмень уродится — откуда нам знать? Может, поздний ячмень уродится — откуда нам знать?»⁴⁰. Человек не в состоянии ни охватить этот мир, ни удержать в себе жизнь: «Никто так не высок, чтобы дотянуться и прикоснуться к небесам (/sukud\-de₃ an-na su nu-um-[da-la₂]), никто так не широк, чтобы обнять своим взглядом целый мир (/dajal\-e ki-a <igi> nu-um-ma-an-il₂-il₂). Никто так не силен, чтобы растянуть всего себя в кровати (/kalag\-ga ki-nu₂ ni₂ nu-mu-un-gid₂-de₃). Но ты, который реवेशь, как буря, можешь ты стать таким, как лев ([za]-/e\-me-en ud-gin₇ dug₄-dug₄-ga /pirij\-gin₇ ne he₂-gub)? Ни один человек не может предотвратить свою смерть (X-zu gickiri₆ a he₂-eb?-gub lu₂ nam-bi₂-ib-til-e)» (17:b2)⁴¹.

Книга Екклесиаста также говорит о прочности, неизменности порядка, установленного Богом. Это видно уже в самом начале книги, в первой главе, в которой описываются неизменные природные круговращения (Еккл. 1:4—10), а также в начале третьей главы (Еккл. 3:1—8). Существующий в мире порядок никто не в силах изменить: «Искривленное не может выпрямиться, а то, чего нет, нельзя подсчитать (יִיכַל לְהַמְנִיחַ)» (Еккл. 1:15). Данная цитата является, очевидно, вкрапленной в текст книги поговоркой. Эту поговорку Екклесиаст словно уточняет в 3-й и 7-й главах, подчеркивая, что неизменный существующий порядок не существует сам по себе, но установлен Богом, к тому, что сделал Бог ничего нельзя прибавить, то, что Бог сделал кривым, никто не может исправить (эта мысль повторяет упоминавшуюся выше шумерскую поговорку 1:7):

«Я узнал, что все то, что делает Бог (עֲשֵׂה הָאֱלֹהִים) וממנו אין לגרע (ידעתי כי כל אשר י וממנו אין להוסיף, к тому ни добавить, от того ни убавить) (עליו אין להוסיף וממנו אין לגרע), и Бог сделал так, чтобы имели страх пред лицом Его (והאלהים עשה שִׁיאוּ מִלִּפְנֵי)» (Еккл. 3:14);

«Посмотри на дело Божие, ведь кто сможет выпрямить то, что Он согнул (אֵת אֲשֶׁר עָתָה)? (ראה את-מַעֲשֵׂה הָאֱלֹהִים כִּי מִי יִכַּל לְחַקֵּן) В благой день будь в благости, а в злой день посмотри (בְּיוֹם טוֹבָה הָיִה בְּטוֹב וּבְיוֹם רָעָה רָאֵה), что и то, и это сделал Бог (גַּם אֵת-זֶה לַעֲמִיתָהּ עָשָׂה הָאֱלֹהִים) для того, чтобы человек не нашел ничего против Него (כִּתְּךָ שְׂלֵא יִמְצָא הָאָדָם אֶתְרֵיוּ מֵאִמָּה)» (Еккл. 7:13—4).

Приведенные цитаты говорят одновременно и о непостижимости Бога для человека, о величии и превосходстве Бога над человеком, об ограниченности человека. Мысль о величии Бога и ничтожности человека звучит в Книге Екклесиаста постоянно. Человек может наслаждаться от еды, питья, труда только потому, что это дар Бога (Еккл. 2:24; 3:13; 5:18). Слова из Еккл. 5:11 («Бог на небесах, а ты на земле (בְּשָׁמַיִם וְאַתָּה עַל-הָאָרֶץ)»), которые, возможно, являются поговоркой, отчасти напоминают упомянутую выше шумерскую притчу (4:59). Бог безмерно превосходит человека и человек не в силах даже понять дел Бога, Его замыслов:

«И я увидел все дела Бога (אֶת-כָּל-מַעֲשֵׂה הָאֱלֹהִים) וראיתי, что не сможет человек постичь дело, которое делается под солнцем (עֲשֵׂה תַחַת הַשֶּׁמֶשׁ) (כי לא יוכל האדם למצוא את-מַעֲשֵׂה אֲשֶׁר עָשָׂה תַחַת הַשֶּׁמֶשׁ), что бы ни сделал человек, чтобы отыскать, он не найдет (בְּשֵׁל אֲשֶׁר יַמְלֵל הָאָדָם לְבַקֵּשׁ וְלֹא יִמְצָא), и даже если мудрец (сможет) сказать, что он знает, (он все равно) не сможет постичь (לא יוכל למצא)» (Еккл. 8:16);

«Как не знаешь ты, каков путь ветра, откуда кости в беременном (полном) животе (אֵיךְ יֵדַע מִהֲרִיחַ הָרֵחַ כַּעֲמִים בְּבֶטֶן הַמְּלָאָה כָּכָה) (כֹּכָה), так не знаешь и дел Бога, Который делает все это (אֶת-מַעֲשֵׂה הָאֱלֹהִים אֲשֶׁר יַעֲשֶׂה אֶת-הַכֹּל)» (Еккл. 11:5).

Непостижимость Бога сама по себе является частью Его замысла: «Все Он сделал прекрасным в свое время (в свой миг) (יָפָה בְּעָתוֹ) (את-הכל עָשָׂה)», также неведение дал в сердце их (גַּם אֶת-הָעֵלֶם נָתַן בְּלִבָּם מִבְּלִי); так что человек

не постигнет дело, которое делает Бог, от начала до конца (אֲשֶׁר-עָשָׂה הָאֱלֹהִים מֵרֵאשִׁית וְעַד-סוֹף) (Еккл. 3:11).

Во время своей жизни человек пребывает в неведении, он находится в поиске того, что является для него благом, не зная будущего и того, что будет на земле после его смерти: «Ведь кто знает, что является благом (טוֹב) — (כי מי יודע מה) для всякого человека в жизни (לְאָדָם בְּחַיָּים), в немногие дни его пустой жизни (מִסְפָּר יְמֵי-חַיָּיו הַבָּלִי), которые подобны тени (וְנֶעֱשֶׂה כְּצֶל)»? Кто сообщит человеку (יֵגִיד לְאָדָם) — что будет после него под солнцем (אֲשֶׁר מִי) (מה־יִהְיֶה אַחֲרָיו תַּחַת הַשֶּׁמֶשׁ)?» (Еккл. 6:12); «Ведь большое зло для всякого человека, что он не знает то, что будет (כִּי־אֵינִי יָדַע מִה־שִׁתְּיָהּ)»; ведь о том, как это будет — кто ему сообщит (לִי) (כי כִּאֲשֶׁר יִהְיֶה מִי יֵגִיד)?» (Еккл. 8:7). Человек стремится к мудрости, но мудрость едва ли достижима для человека: «Я сказал: стану-ка я мудрым (אֶמְרֹתִי אֲחַכְמָה). Но она была далека от меня (וְהִיא רְחוֹקָה מִמֶּנִּי). Далеко то, что было, и глубоко, глубоко (רְחוֹק מִה־שִׁתְּיָהּ וְעִמּוֹק עִמּוֹק)». Кто отыщет его (מִי יִמְצָאֵנִי)?» (Еккл. 7:23–24).

Как и шумерская поговорка говорит о неотвратимости смерти (17:b2). Так и Книга Екклезиаста подчеркивает бессилие человека обрести на земле вечность: «Не властен человек над ветром⁴², чтобы удерживать ветер (אֵין אָדָם שְׁלִישׁ בְּרוּחַ לְכַלּוֹת אֶת־הָרוּחַ), и нет ego власти над днем смерти (בְּיוֹם הַמָּוֶת) (וְאֵין שְׁלֹטוֹן)» (Еккл. 8:8). О бессилии человека перед смертью говорится и в других местах библейской книги (Еккл. 2:14–26; 3:19–21; 5:14–15; 9:2).

Осознание превосходства Бога и ограниченности человека естественным образом подводят к мысли о смирении человека перед Богом. О важности для человека иметь смирение говорится и в шумерских поговорках, и в библейской книге. Человек должен следовать установленному порядку.

Шумерские притчи указывают, что существующий порядок незыблем, незыблема и

установленная в человеческом обществе дифференциация. Каждый член человеческого общества должен заниматься своим делом: «Те, кто волнуются, не должны становиться начальниками (cag₄-bi zig₃-ga ugula nam-me), пастуху не следует становиться фермером (sipad engar nam-me)» (1:97); «Как может бедняк, который не знает, как выращивать ячмень, руководить выращиванием пшеницы (ukur₃-te se ur₁₁-ru nu-tu-un-zu-a ziz₂ a-na ba-ur₁₁-ru)?» (2:17); «Давай мне! — говорит царь (sum₂-ma-ab lugal-la-kam). На здоровые! — говорит сын виночерпия (dug₃-ga-ab dumu sagi-a-kam)» (3:86); «Тот, кто пашет поле, должен пахать поле (lu₂ a-cag₄ ur₁₁-ru-ke₄ a-cag₄ he₂-ur₁₁-ru). Тот, кто собирает урожай, должен собирать урожай (lu₂ se su-ub-bu-da-ke₄ se su /he₂-eb-su-ub-be₂)» (4:47).

Автор Книги Екклезиаста выражает неодобрение любому нарушению порядка. Он называет злом социальные потрясения, которые нарушают сложившуюся в обществе иерархическую систему: «Есть зло, которое я видел под солнцем (תַּחַת הַשֶּׁמֶשׁ) (יֵשׁ קֵטָה רָאִיתִי), оно — как ошибка от лица властелина (כְּשִׁגְגָה שִׁנְאָה מִלִּפְנֵי הַשְּׁלִיט): глупость поставляется на больших вершинах, а богатые сидят внизу (בְּיָסוּדֵי בִשְׁפָל יֹשְׁבִים וְעַל־רָאשֵׁי מְרֻמִּים)». Я видел рабов на лошадях, а вельмож ходящих по земле как рабы (רָאִיתִי עֲבָדִים עַל־סוּסִים וְשָׂרִים הֹלְכִים כְּעֲבָדִים עַל־הָאָרֶץ)» (Еккл. 10:6–7). Слова библейской книги о существующих нарушениях порядка, как о своего рода ошибке, напоминают такую шумерскую поговорку: «Необузданный сын — его матери не следовало рождать его (dumu si nu-sa₂ ama-a-ni na-an-u₃-tud), его богу не следовало творить его (dijir-rani na-an-dim₂-dim₂-e)» (1:157).

Екклезиаст постоянно призывает человека следовать существующему порядку вещей, сохранять свою жизнь, работать, помнить о Боге и Его суде. И тот факт, что его огорчает изменчивость, зыбкость положения человека в этом мире, нарушения общего порядка,

нарушения справедливости (Еккл. 3:16—17; 4:1; 5:7), говорит о том, что Екклезиаст высоко ценил установленный свыше порядок.

Упорядоченность в мире природы происходит от Бога. Определенный порядок в жизни человеческого общества в большей степени зависит от человеческого фактора. Гарантом общественного порядка выступают земные властители. И в Книге Екклезиаста, и в шумерских поговорках достаточно часто упоминаются земные владыки.

О царской власти и дворце шумерские поговорки говорят несколько противоречиво. Они признают важность института власти, но видят и опасность, которая проистекает от этого института для обычного человека. Можно предполагать, что отношение к царскому двору повторяло отношение к божествам. Божества велики, значимы, важны для человека, но от них может происходить не только помощь и защита, но также опасность и угроза.

Шумерские поговорки предостерегают от зависти к власти имущим («Что течет в него [bo dʒoreɹ], никогда не заполнит его, и что вытекает из него, никогда не может быть остановлено — не завидуй состоянию царя (an-ku₄-ku₄ nu-si-si i₂-ta-ed₂ nu-silig-ge nij₂-gur₁₁ lugal-la-ke₄ igi-zu na-an-il₂-en)» (25.12)), подчеркивают, что дворец может представлять для человека большую опасность («Дворец — это скользкое место, которое уловляет тех, которые не знают его (e₂]-/gal\ ki-ma-an-ze₂-er nu-/um[?]\-zu dab₃-dab₅-be₂)» (2:156)). Вместе с тем, пословицы подчеркивают важную роль, которую играет земная власть, обеспечивая порядок и контролируя все происходящее: «Когда солнце восходит, принимаются решения (ud ul-ed₂ nam al-tar-ra). В то время, когда солнце поднимается, царская власть совещается (dutu gub-ba-ni nam-lugal mu-un-na-an-cum₂)» (3:83).

Книга Екклезиаста также подчеркивает то значение, которое имеет в обществе власть.

У него нет сомнений в необходимости царской власти. В конце концов, сам автор книги представляет себя великим царем. Он призывает к послушанию царю, к смирению перед ним: «Соблюдай повеления царя (אִי פִּי־מֶלֶךְ שְׁמוֹר) ради клятвы перед Богом (וְעַל דְּבַרְתָּ שְׁבוּעַת אֱלֹהִים). Не спеши уходить от его лица (אַל־תִּבְהֹל מִפְּנֵי תַלְךְ), и не отстаивай никакого зла (אַל־תַּעֲמֹד בְּדָבָר רָע), потому что он сделает все, что пожелает (אֲשֶׁר יִחְפֹּץ יַעֲשֶׂה) (כִּי כָל שְׁלִשָּׁן)». Где слово царя — там власть (בְּאֲשֶׁר דִּבֶּר־מֶלֶךְ, и кто скажет ему: что ты делаешь? (וְיֹאמְרוּ לוֹ מַה־תַּעֲשֶׂה)»? (Еккл. 8:2—4); «Если дух правителя (гнев, недовольство) поднимется на тебя (אִסְרוֹת הַמּוֹשֵׁל תַּעֲלֶה עָלֶיךָ), не оставляй места своего (מִקְוֶמְךָ אַל־תָּחַן), потому что кротость оставляет большие грехи (כִּי מִרְפָּא יֵיחַ תַּטְּאִים נְדוּלִים)» (Еккл. 10:4.) Библейский автор предостерегает от того, чтобы злословить представителей власти: «И в мыслях твоих не умаляй царя (תִּקְלַל) (וּבִחְרֵי מִשְׁכַּבְךָ אַל־תִּקְלַל עֲשִׂיר)», и внутри кровати твоей не умаляй богатого (וּבִחְרֵי מִשְׁכַּבְךָ אַל־תִּקְלַל עֲשִׂיר), потому что птица небесная унесет твой голос, и обладающая крыльями сообщит слово (אֶחָד־הַקּוֹל וּבַעַל הַכְּנָפִים) (כַּנְפִים) יַגִּיד דְּבָר)» (Еккл. 10:20). Иными словами, для простого человека наделенные властью люди могут быть опасны.

Несчастьем для страны являются неопытные руководители, думающие только о себе («Горе тебе, земля, если твой царь незнатен, и вельможи твои наедаются каждым утром (אִי־לְךָ אֶרֶץ שְׂמֵלֶכָךְ נָעַר וְשָׂרֶיךָ בִּבְקָר יֹאכְלוּ)» (Еккл. 10:16)), а счастье — знатные и заботливые руководители («Счастлива ты, земля, если твой царь из благородного рода (בְּרִחּוּרִים) (אֲשֶׁר־יְרִיךְ אֶרֶץ שְׂמֵלֶכָךְ)», и вельможи твои едят в подходящее время, в воздержанности, а не в пьянстве (וְשָׂרֶיךָ בָּעַת יֹאכְלוּ בִּנְבוּרָה וְלֹא בִשְׁחָ)» (Еккл. 10:17)). Фрагмент Еккл. 10:16—17 близок к шумерской поговорке (3:83), которая говорит о должном состоянии власти, когда ее представители начинают решать насущные проблемы с раннего утра. В отрывке Еккл. 10:16 библейский автор сожалеет о том, что в реальной жизни пред-

ed₂ sulummar-am₃)» (2:2). Жизни бедняка сопутствует недоедание: «Бедняк каждый раз должен искать, что поесть (ukur₃-re nij₂ gu₇-u₃-da-ni-ce₃ igi an-ci-du₃-du₃)» (2:15); «Бедняк жует все, что ему дадут (ukur₃-re nij₂ cu ti-a-ni zu₂ an-ur₅)» (2:19).

Когда жизнь простого человека очень тяжела, смерть представляется для него благом: «Пусть бедняк умрет, пусть он не живет (ukur₃ ha-ba-ug₇ nam-ba-da-til₃-i). Когда он находит хлеб, он не находит соли, когда он находит соль, он не находит хлеба (ninda i₃-pad₃ mun nu-pad₃ mun i₃-pad₃ ninda nu-pad₃). Когда он находит мясо, он не находит приправы, когда он находит приправу, он не находит мяса (uzu i₃-pad₃ gazi nu-pad₃ gazi i₃-pad₃ uzu nu-pad₃)» (1:55)⁴⁶; «Когда он идет по улице, никто не приветствует его (e-sir₂-ra he₂-du silim-ce₃ gu₃ nu-um-de₂), и когда он приходит домой к своей жене, скверным именем называют его (e₂-a i-ni-in-kur₃ /nitalam\ -ma-ni-ce₃ mu hul mu-bi-im\))» (1:56); «Когда умрет бедняк, не старайся его воскресить»⁴⁷. После смерти бедняка ожидает быстрое забвение: «Жизнь бедняка не переживает его смерти (ukur₃ nam-til₃-bi nam-uc₂-da /nu\ -[ub-dirig])» (1:57).

В поговорках отражается не просто констатация бедственного положения некоторых людей, но выражаются и сетования, протесты против такого положения вещей: «Весь день моя еда далека от меня, мое сердце ... (ud gid₂-da kurum₆-ju₁₀ bur₁₂-ga sag₄-ju₁₀), но даже пес может удовлетворить свой голод (ur-gir₁₅ mu-un-di-ni-ib-si[?]). Это не зависит от меня, но разве я могу быть счастлив (ja₂-ra ba-til je₂₆-e ba-hul₂-le-en)?» (3:115). Протесты, несогласие с существующим порядком, имеются и в библейской книге.

Книга Екклезиаст также поднимает тему бедности и богатства. В ней утверждается, что богатство подает человеку Бог (Еккл. 6:2), но вместе с этим выражается

сочувствие, симпатия по отношению к бедным. Бедный человек много работает и не всегда сыт (Еккл. 5:11), его притесняют: «Если вымогательство у бедных, искажение суда и правды увидишь ты в судебном округе (אִם-עֲשֶׂהְךָ שֶׁ יִגְדֹל מִשְׁפָּט וְצָדֵק תִּרְאֶה בַּמִּדְיָנָה), — не удивляйся таким вещам (חֲמָה עַל-הַחֲפִץ)» (Еккл. 5:7). Положение его таково, что даже наблюдения за его страданиями вызывает мысль о превосходстве смерти над жизнью: «Слезы притесняемых и нет им утешающего (דִּמְעַת הַנְּשָׁקִים וְאֵין לָהֶם מְנַחֵם)», и в руке притесняющих их сила, и нет им утешающего (עֲשִׂיקָהֶם כֹּחַ וְאֵין לָהֶם מְנַחֵם) (וְיָמִיד). И я сам превознес умерших, которые уже умерли (וְשִׁבַּח אֲנִי אֶחָדֵהֶמוֹתַי שֶׁכָּבְדוּ מוֹתוֹ), над живыми, которые еще живут (עֲדָנָה), над живыми, которые еще живут (וְיָמִיד). Но лучше их тот, кто еще не жил (וְטוֹב מִשְׁנֵיהֶם אֵת אֲשֶׁר-עָדֵן לֹא הָיָה), кто не видел злого дела, которое делается под солнцем (וְהַמַּעֲשֶׂה הַרָע אֲשֶׁר נַעֲשָׂה תַּחַת הַשֶּׁמֶשׁ), (אֲשֶׁר לֹא-רָאָה אֵת)» (Еккл. 4:1–3). Человеку, который при жизни не видел блага, хуже, чем выкидышу: «Если человек родит сотню детей (אִם-יֻלְּדוּ אִישׁ מֵאָה), и будет жить много лет (וְשָׁנִים רַבּוֹת יִחְיֶה), и множество будет дней его (וְרַב שָׁהִיו יְמֵי-שָׁנָיו), и не удовлетворится душа его от блага (וְנַפְשׁוֹ לֹא-תִשְׂבַּע מִיְּתוֹבָה), даже если он не умрет (בִּכְלָל: דַּאֲכֵּי עַל-כֵּן אִם-יִהְיֶה מִמֶּנּוּ הַנֶּפֶשׁ)»⁴⁸ (וְאִם-יִהְיֶה מִמֶּנּוּ הַנֶּפֶשׁ) — я сказал бы: выкидышу лучше, чем ему (וְטוֹב מִיְּכִידִי לָאֵת-הַחַיִּים)» (Еккл. 6:3).

Шумеры видели, что на бедняка никогда не обращают внимания, его мнение никого не интересует: «Бедняка игнорируют (ukur₃ nu-kal)» (2:18); «Слово бедняка не принимается (inim ukur₃-ra-ce₃ cu la-ba-ci-in-ti)» (2:27). В Книге Екклезиаста рассказывается о ситуации, когда мудрый бедняк мог спасти город, но его никто не хотел слушать «Малый город, и людей в нем немного (עִיר קְטָנָה וְאָנָשִׁים בָּהּ מְעַט), и подошел к нему великий царь (וּבָא-אֵלֶיהָ מֶלֶךְ גָּדוֹל), и окружил его, и установил над ним великие сети (וְסָבַב אֹתָהּ וּבָנָה עָלֶיהָ מְצוּדִים גָּדִלִים). И напелся в нем бедный мудрый человек (הָרָבִי), (וְנִמְצָא בָּהּ אִישׁ מִסְכֵּן), и он мог бы спасти город

своей мудростью (וּמִלְּטָהוּא אֶת־הָעִיר בְּחָכְמָתָהּ). Но люди не вспомнили об этом бедном человеке (וְאָדָם לֹא זָכַר אֶת־הָאִישׁ הַמִּסְכֵּן הַהוּא). И я сказал: мудрость лучше силы (חָכְמָה מִגְּבוּרָה), но мудростью бедного пренебрегают, и его слов не слушают (וְאִם־חָכְמָתִי אֵין מִשְׁמָעָה, и его слов не слушают (אֵינָם נִשְׁמָעִים)) (Еккл. 9:14–16)⁴⁹.

Изучая шумерские поговорки, посвященные беднякам, С. Крамер был впечатлен картиной полной безысходности, которую рисуют эти краткие изречения: «Похоже, нет ни единого утешительного намека на то, что в предстоящем тысячелетии шумерским беднякам суждено наследовать землю»⁵⁰. Впрочем, затрагивая проблему бедности и богатства, поговорки иногда стремятся уйти от пессимизма, они даже хотят найти преимущества бедного состояния. Например, поговорки отмечают, что пресыщение, переизбыток вредно для человека, лишает сна: «Тот, кто много ест, не может спать (nij₂-mah gu₇-gu₇-e u₃ nu-um-ci-ku-ku)» (1:103).

Большое богатство также может сильно обременять человека, оно связано с большими заботами и также может лишить человека спокойствия и сна: «Тот, у кого много серебра, может быть и счастлив, тот, у кого много ячменя, может быть и счастлив, но тот, у кого нет совсем ничего, спит спокойно»⁵¹; «Кто обладает многим, тот постоянно начеку (nij₂ am₃-da-tuku-tuku igi am₃-da-ur₃-e)» (1:16); «Сердце богатого человека больно, оно действительно очень больно (sag₄ nij₂-tuku tur₅-ra-am₃ / an-tur₅? [...] — человек с озабоченным сердцем болен, он действительно очень болен (sag₄ dirig tur₅-ra-am₃ an-/tur₅? [...]) (27.b1).

Чрезмерные заботы о внешнем богатстве портят жизнь человека, особенно если человек хочет жить не по средствам: «Строй как господин — живи как раб ([en]-gin₇ du₃ saj-gin₇ til₃)! Строй как раб — живи как господин (/saj\-gin₇ du₃ en-gin₇ til₃)» (19:b3)⁵².

Впрочем, мы находим и другие поговорки, в которых обладание богатством представляется как гарант спокойствия и нормального сна: «Тот, у кого есть серебро, счастлив, тот, кто имеет зерно, удовлетворен, тот кто имеет домашний скот, может спать (kug tuku sag₄ an-hul₂ ce tuku ur₅ an-sag₉ nij₂-ur₂-limmu₂ tuku-e u₃ mu-un-ci-ku-ku)» (3:23)⁵³.

В Книге Екклезиаста слова шумерской поговорки о том, что пресыщение лишает сна, повторяются практически буквально: «Сладок сон трудящегося, мало или много он съест (מְחוּקָה שְׁנַת הָעֹבֵד אִם־מְעַט וְאִם־רַבָּה יֹאכַל), а изобилие богатого не дает ему спать (לִישׁוֹן) (וְהַשָּׂבַע לְעֹשֶׂי שִׁיר אֲנֵנוּ מִיָּתָּה לֹא)» (Еккл. 5:11).

Так же как и шумеры, библейский автор считает, что богатство, труд в погоне за богатством, приносит человеку беспокойство:

«Вот глупый — он сидит сложа руки (אֶת־יָדָיו) и проедает то, что имеет (בִּשְׂוֹר) (הַכְּסִיל חָבַר) (буквально: *поедает плоть свою*). Лучше полная горсть покоя (מָלֵא בָרַךְ) (ואֵכַל אֶת־מְלֵא בָרַךְ), чем полные горсти труда и погони за ветром (или: *томления духа*) (עָמַל וְרָעוּת רֵיחַ)» (Еккл. 4:5)⁵⁴;

«Бывает, есть один, и нет другого, нет ни сына, ни брата у него (וְאֵין שָׁנִי גַם בֶּן וְאֵין אֶחָד) (יֵשׁ אֶחָד), и нет конца всему труду его, и глаз его не удовлетворит богатство (לֹא־תִשְׂבַּע עֵינָיו). «И для кого я тружусь, и лишается душа моя блага?» (וְלִמִּי אֲנִי עֹמֵל וּמַחְסֵר אֶת־נַפְשִׁי מִטּוֹבָה) (וְהָבֵל וְעֵנָן רַע הוּא)» (Еккл. 4:8);

«Ведь какой прок человеку от всего его труда и стремления его сердца (עֲמָלוֹ וּבְרָעִיוֹן לְבוֹ) (כִּי מְהִרָּה לְאָדָם בְּכָל שְׁהוּא עֹמֵל תַּחַת הַשָּׁמֶשׁ)? Ведь каждый его день его труд *приносит* скорби и печаль (כִּי כָל־יְמֵיו מְכָאֲבִים וְרַעֲסָה עֵינָיו) (לֹא־שָׂכָב לְבוֹ) (וְגַם־בְּלִילָה). И все это — пустота (וְהָבֵל הָהוּא)» (Еккл. 2:22–23).

Екклезиаст приводит и ряд других аргументов, подчеркивающих проблемы, связанные с богатством. Потребности человека невелики, но жажда богатства неутолима, а избыток богатства совершенно бесполезен: «Любящий серебро не удовлетворится серебром (כֶּסֶף לֹא-יִשְׂבַּע כֶּסֶף), кто любит богатство — не получит плода от него (не удовлетворится прибылью) (וְיִמְאָהֵב בְּהִמּוֹן לֹא תִבּוֹאֶה)». Это также пустота (בְּסוֹף הַכֹּל). Когда возрастает благосостояние, возрастают поедающие его (בְּרִבּוֹת הַטּוֹבָה רַבּוֹ אֹכְלֶיהָ). И какое преимущество у его хозяев обладателей (שְׂדֵיָן לְבַעְלֶיהָ)? — Только смотреть своими глазами (יִמְדֹּךְ)?» (Еккл. 5:9–10). Богатством нельзя насытить душу: «Весь труд человека — для рта его (הָאִדָּם לְפִיהוּ), но душа его не наполнится (קִלְעִמָּל תִּמָּל), (קִלְעִמָּל תִּמָּל)» (Еккл. 6:8–9). Эта мысль Екклезиаста переключается с шумерской поговоркой, подчеркивающей, что внутренние потребности, внутренние проблемы человека не могут быть удовлетворены и решены одними материальными средствами: «Мой поврежденный ноготь перевязан (umbin gig-ga ur₂-ga ja₂-la-ju₁₀). Моя поврежденная нога в моей сандали (jiri₃ gig-ga^{kuc}-si₂ ja₂-/la\-ju₁₀). Но что делать с моим больным сердцем (cag₄ gig-ga-ju₁₀ a-ba-a hu-mu-un-pad₃-de₃)?» (3:127).

Богатство может быть отнято у человека не только другим человеком, но и Богом (Еккл. 2:26). Богатство можно потерять в результате несчастного случая: «Бывает мучительное зло, которое я видел под солнцем (יֵשׁ רָעָה חֹלָה רְאִיתִי תַּחַת הַשֶּׁמֶשׁ), богатство, сохраняемое своими обладателями себе во зло (עֵשֶׂר שָׂמֵר לְבַעְלָיו לְרָעָתוֹ). И погибло это богатство от неудачи в делах (הָהוּא בָעֵינָן רָע) (ואבד העֵשֶׂר)» (Еккл. 5:12–13).

Шумерские поговорки также говорят о потере собственности, например: 2:138 «Рука к руке — и дом человека построен (cu cu-a ba-ab-tah e₂ lu₂ al-du₃-e). Чрево к чреву — и дом человека разрушен (cag₄-gal-

cag₄-gal-e ba-ab-tah e₂ lu₂ al-gul-e)»⁵⁵. А в «Плаче о разрушении Ура» так оплакивается потеря состояния:

«Мое имущество, как тяжелая саранча в полете, унеслось,
О, мое имущество, я скажу,
Мое имущество, что пришло из нижних земель, в нижние земли ушло,
О, мое имущество, я скажу,
Мое имущество, что пришло из вышних земель, в высшие земли ушло,
О, мое имущество, я скажу,
Мой драгоценный металл, камни и ляпис-лазурь всюду рассеяны,
О, мое имущество, я скажу»⁵⁶.

Мысль о невозможности вечно удерживать богатство, которая рефреном повторяется в Книге Екклезиаста, в шумерском выражении имеет такой вид: «Собственность — летящая птица (nij₂-gur₁₁ bu₁₀-mucen dal-dal), которая никогда не найдет места для посадки (ki-tuc nu-pad₃-de₃-dam)» (1:18).

Но в своих размышлениях о бесполезности чрезмерного богатства автор библейской книги идет еще дальше. Его вывод о том, что на самом деле богатство не может дать человеку особого преимущества, основывается не только на противопоставлении богатства и бедности, не только на неспособности человека насытиться богатством и той легкости, с которой можно потерять это богатство. Вывод об относительной ценности богатства проистекает у него от размышления над проблемой смерти человека. Богатство не спасает от смерти. Но сама смерть в один миг лишает человека всего того, что он имел. Размышления об этом приводят к тому, что Екклезиаст, который, согласно своим собственным словам, обладал большим состоянием, возненавидел жизнь (Еккл. 2:18). Человек не может обладать богатством вечно. Каким он приходит в этот мир, таким он и уходит, смерть уравнивает всех, в том числе богатых и бедных: «Как он

вышел из утробы матери своей голым (עָרֹם) (בְּאֶשֶׁר יָצָא מִבֶּטֶן אִמּוֹ), так и возвратится, идя таким, каким пришел (יָשׁוּב לְלֶכֶת כְּשָׁבָא). И ничего не поднимет в своем труде, что желал бы унести в своей руке (בְּעִמְלּוֹ שִׁילָךְ בְּיָדוֹ). И это также мучительное зло (וְזִמְמוֹהָ לֹא-יִשָּׂא). Каким он пришел, таким и уйдет (כְּכֵן יָבֹא כְּכֵן יֵלֵךְ). И что приобретает он, работая на ветер (תְּרוֹן לוֹ שֶׁיַּעֲמֹל לָרוּחַ)?» (Еккл. 5:14–15).

Слова Екклезиаста о бесполезности человеческого труда, бесполезности накопления богатства перед лицом смерти (Еккл. 1:3; 2:22; 3:9; 5:14–15) формально могут напомнить шумерскую поговорку: «Время прошло, и что ты приобрел (ud mu-e-ci-zal a-na-am₃ su mu-da'-/ti\)?» (3:157). Однако в данной поговорке речь может идти не о бесполезности труда, а о легкомысленном человеке, который провел время праздно и ничего не создал, ничего не приобрел. В любом случае, однозначная интерпретация данной поговорки без общего ее контекста невозможна.

Итак, Книга Екклезиаста и шумерские поговорки проявляют двойственность по отношению к бедным людям. С одной стороны, они высоко ценят существующий в мире и человеческом обществе порядок, частью которого является социальная дифференциация. Поэтому Екклезиаст не одобряет нарушений установившегося социального порядка, возмущается унижением богатых (Еккл. 10:6–7) и называет горем для страны ситуацию, когда у руля власти оказывается незнатный человек (Еккл. 10:16). С другой стороны, рассматриваемые нами тексты выражают необыкновенное сочувствие по отношению к простым людям, которые испытывают угнетение, которым не хватает средств для достойной человека жизни. Екклезиаст, сочувствуя угнетенным (Еккл. 4:1), рассказывает о бедном юноше, ставшем царем, явно проявляя симпатию к этому простому человеку (Еккл. 4:13–16). Такая позиция библейского автора, который стремится в начале книги всячески подчер-

кнуть свое царское достоинство, выглядит очень странной. Необычными для царя являются и советы, призванные помочь в общении с властью имущими, которые дает Екклезиаст в последних главах книги. Такие советы едва бы стал давать царь своему сыну. Забота о простых людях, симпатия к ним, присутствующие в Книге Екклезиаста, могут показаться очень странными. Екклезиаст в этом совсем не похож на авторов древних царских поучений. И в этом смысле Книга Екклезиаста очень близка к истокам всякой мудрости, к народным пословицам и поговоркам, которые она зачастую цитирует, и следы которых она на себе несет.

5. Противоречия человеческой жизни.

Зыбкость земного порядка

И шумерские поговорки⁵⁷, и библейская книга фиксируют противоречия жизни. Уже упоминалось противоречивое отношение шумерских поговорок и Книги Екклезиаста к сложившемуся порядку, к богатым и бедным. Противоречивость поговорок проистекала порой от того, что можно называть мудростью выживания. Поговорки помогали человеку сохранить себя, свою жизнь в этом мире, указывая на то, что человеку необходимо стремиться избегать крайностей, каждая из которых может иметь свою правду. «Все равно умрем — давай все растратим! А жить-то еще долго — давай копить!»⁵⁸. В этой поговорке присутствует осознание ограниченности человека, неизбежности смерти, соединенное с естественным чувством самосохранения. Эта противоречивая поговорка призывала научиться жить между правдой смерти и правдой жизни.

В Книге Екклезиаста мы также встречаем противоречивые суждения о бессмысленности жизни и деятельности перед лицом неминуемой смерти (см., например, Еккл. 1:2; 2:11, 17, 18; 3:9) и о том, что человек должен трудиться, радоваться жизни и получать от нее удовольствие (Еккл. 3:22; 8:15; 9:7–10; 11:1–7).

Книга Екклесиаста также предостерегает от крайностей поведения: от чрезмерной праведности и чрезмерной распущенности, — поскольку это может быть губительным для человека, а человек должен оберегать и сохранять себя. «Не будь чрезмерно праведным и не будь слишком мудрым (אֱלֹהֵי צְדִיק הָרַבָּה וְאִלְתֵּתָם יוֹתֵר): к чему тебе губить себя (*разочаровываться/изумляться*)⁵⁹ (לָמָּה תְּשׁוּמָם)? Не будь чрезмерно нечестивым, и не будь глупым (כָּל אֱלֹהֵי הָרַבָּה וְאִלְתֵּתָהּ): зачем тебе умирать не в свое время (לָמָּה תָּמוּת בְּלֹא עֵתָּה)?» (Еккл. 7:16–17). Призыву Екклесиаста не быть слишком праведным и грешным как будто соответствует шумерская поговорка «Говори ложь (lul dug₄-ga-ab), говори правду (zid dug₄-ga-ab)» (7:89). Однако эта параллель может быть отвергнута, если данную поговорку считать первой частью более полного варианта: «Если скажешь ложь (lul dug₄-ga-ab), а потом скажешь правду (zid dug₄-ga-ab), то правде не поверят (lul ba-e-sig₁₀-ge₅)» (2:71). Кроме того, сам отрывок Еккл. 7:16–17 можно также трактовать несколько иначе: не как призыв сохранять баланс между грехом и добродетелью ради самосохранения, а как общий призыв избегать нечестия и глупости. Под чрезмерной праведностью в этом случае понимается кичливая праведность, горделивое лицемерное хвастовство собственной праведностью. В пользу такого прочтения говорит продолжение этого отрывка: «Лучше держись одного (*предостережения*) и от другого (*предостережения*) не отнимай твоей руки (טוֹב אֲשֶׁר תִּאָּחַז בְּיָדְךָ וְנִסְמְנָה אֶלְתֵּנָה אֶת־יָדְךָ), потому что боящийся Бога будет следовать всем этим (*предостережениям*) (אֱלֹהִים יֵצֵא אֶת־כָּלֵם) (כִּי־רַבָּא)» (Еккл. 7:18)⁶⁰, а также Еккл. 7:20, где говорится, что нет на земле безгрешного праведника.

Шумерские пословицы обращают внимание и на противоречия внутри самого человека, который может совершать и добро, и зло, которого может привлекать и то, и другое: «Как добро в руках (sag₉-ga /cu-am₃\), так и зло в руках (hul cu am₃-ga-am₃)»

(22.11.62–63); «Сердце не отказывается от добра ([sag₉-ga] sag₄-ge [cu nu-bar]-ge), но сердце и не может отказаться от зла ([hul sag₄-ge cu nu-di-ni-bar-re])» (22.11.64–65). В Книге Екклесиаста мысль о всеобщей греховности выражена в таких словах: «Нет праведного человека на этой земле (כִּי אָדָם אֵין צְדִיק בְּאֶרֶץ), который будет делать благо и не согрешит (אֲשֶׁר יַעֲשֶׂה טוֹב וְלֹא יִחַטָּא)» (Еккл. 7:20). Это, по мнению библейского автора, является достаточным основанием для снисходительности к проступкам людей.

Как отмечалось выше, шумерские поговорки утверждают традиционное представление о воздаянии, согласно которому зло неизменно будет наказано. Вместе с тем, шумеры обращали внимание и на то, что в реальной жизни судьба человека не делает различия между праведником и грешником: «Я столкнулся с судьбой: нет разницы между праведным и нечестивым человеком (nam-tar-re gaba ri-me-en zid-du dug₄-ga-ab erim₂-du dug₄-ga-ab)» (3:176). Автор Книги Екклесиаста также констатирует, что в жизни нечестивые долгоденствуют, а праведники гибнут (Еккл. 7:15), праведников постигает участь нечестивых, а нечестивых — участь праведников (Еккл. 8:14), а успех человека зависит от случайности (Еккл. 9:11).

Шумерские притчи показывают, что составивший их народ ощущал зыбкость существующего порядка, хрупкость всего того, над чем трудится человек, чему отдает много сил и времени. Шумеры были обеспокоены хрупкостью порядка как такового, когда зло и неправда могут в одно мгновение подменить добро и истину. Притчи отражают наблюдения над тем, что в мире зачастую происходит несправедливость: «Дом, построенный честным человеком, разрушен вероломным человеком (e₂ lu₂ zid-de₃ du₃-a lu₂-lul-e gul-la)» (2:142); «То, что было взято вором, сделано честным человеком (lu₂-IM ib₂-dab₅[?]-ba lu₂ gen₆-na ba-/an\dim₃)» (4:58). В Книге Екклесиаста тема несправедливости, изменчивости

положения человека в мире получает особое развитие, дает импульс для постановки важных смысложизненных вопросов.

Шумерские поговорки говорят и о том, что в мире нет ничего нового, ничто не меняется, и о том, что человек может сделать что-то совершенно новое: «Something offered is not offered. Something finished is not finished (nij₂ ga-til₃ nu ga-til₃ nij₂ ba-til nu ba-til). Nothing changes (nij₂ nu-kur₂-ra-am₃)» (3:107); «Он сделал нечто, невиданное прежде (nij₂ igi nu-du₈-a-gin₇ mu-un-ak)» (1:19). В этой связи можно вспомнить слова Екклезиаста, которые отвергают мнение о том, что в мире иногда случается нечто совершенно новое, невиданное прежде: «Что было, то и будет (מה־שהיה הוא שִׁיחֵיהּ). Что совершалось, то и будет совершаться (וּמַה־שֶׁנַּעֲשֶׂה הוּא שֶׁנַּעֲשֶׂה). И нет ничего нового под солнцем (תַּחַת הַשֶּׁמֶשׁ וְאֵין כֶּל־חֵדָּשׁ). Бывает вещь (слово), о которой говорится: посмотри — это новое (זֶה הָיָה חֵדָּשׁ); но это уже было в веках, бывших прежде нас (הָיָה לְעֵלְמִים אֲשֶׁר הָיָה מִלְפָּנֵינוּ)» (Еккл. 1:9-10); «Не говори: почему прежние дни были лучше, чем эти (מָה־כֶּנָּה הָיוּ יוֹמֵי מִלְפָּנֵינוּ)? Потому что не от мудрости ты спрашиваешь об этом (הֲלֹא מִחֵכְמָה שָׁאַלְתָּ עַל־כֵּן)» (Еккл. 7:10).

Шумерские поговорки, отражая всю противоречивость человеческой жизни, предлагают различную оценку женщине и институту брака. В шумерских поговорках преобладает недовольство, критическое отношение к женщине. Удручала древних шумеров женская сварливость: «Злая жена, которая живет в доме (dam nu-jar-ra e₂-a til₃-la-am₃), хуже, чем все болезни (a₂-sag₃-a₂-sag₃-e dirig-ga-am₃)» (1:154)⁶¹. Недовольны были они и сильной религиозностью женщин, от которой страдало домашнее хозяйство («Жена — в «храме» (дословно: в «открытом святилище»), мать — у реки (по-видимому, совершает какой-то религиозный обряд), а я умираю с голоду»⁶²), и женской болтливостью («То, что было сказано по секрету, открыто будет в женских покоях

(puzur₅ u₃-bi₂-dug₄ ama₅-e he₂-bur₂-re)» (1:82)). Разочарование в женщине приводило к разочарованию в самом институте брака: «Счастье — в женитьбе, а подумав — в разводе (sag₉-ga-ni-ce₃ tuku-am₃ malgaga-ni-ce₃ taka₄-am₃)»⁶³ (2:124); «Радость в сердце у невесты, горесть в сердце у жениха»⁶⁴.

Автор Книги Екклезиаста также выражает двойственное отношение к женщине. У него также мы ловим нотки глубокого разочарования: «И я нашел — я сам, что горестней смерти та женщина (אִנִּי מָרַמְנוֹת אֶחָדָאֵשָׁה), которая — как сети, и сердце ее — как неводы, руки ее — как оковы (כַּף אֲסוּרִים יָדֶיהָ), благой перед лицом Бога ускользнет от нее (טוֹב לִפְנֵי הָאֱלֹהִים יִמְלֹת מִמֶּנָּה), а согрешающего она поймает (וְחֹשֵׁא יִלְכָּד בָּהּ)» (Еккл. 7:26); «Что еще искала моя душа, и я не нашел (אֲשֶׁר עוֹד־בִּקֵּשְׁתִּי נַפְשִׁי וְלֹא מָצָאתִי)? Мужчину одного из тысячи я нашел, а женщины среди всех них не нашел (בְּכָל־אֵלֶּה לֹא מָצָאתִי)» (Еккл. 7:28).

С другой стороны, в библейской книге мы встречаем строки, представляющие женщину как источник радости и наслаждения: «Иди, ешь с весельем хлеб твой и пей с благим сердцем вино твое (לֶחֱמֶךָ וְשָׂתָה בְּלֵב־טוֹב יַיִן), потому что уже благоволил Бог к делам твоим (כָּבֵד רָצָה הָאֱלֹהִים אֶת־מַעַשְׁיֶךָ) ... Ощути жизнь с женщиной, которую ты любишь, все дни твоей пустой жизни (וְרָאָה חַיִּים עִם־אִשָּׁה אֲשֶׁר־אַהַבְתָּ כָּל־יְמֵי חַיֵּי הַבָּלָד)», которую (Бог) дал тебе под солнцем (на) все дни твоей пустой жизни (הַשֶּׁמֶשׁ כָּל־יְמֵי הַבָּלָד)» (Еккл. 9:7, 9).

В шумерской литературе есть отрывки, которые также превозносят женщину. В связи с Книгой Екклезиаста может представлять интерес тот отрывок, который в свое время заметил американский шумеролог Дж. Купер⁶⁵. Этот исследователь, подбирая месопотамские параллели к Песни Песней, обратил внимание на «Послание Лудингирры», где описываются приметы, по которым посланец должен узнать мать

героя. Описание матери напомнило ему описание возлюбленной из Песни Песней (Песн. Песн. 5:10-16). Вторая примета в шумерском тексте была такова:

«Мать моя ясному свету подобна,
 Что от края земли освещает горы,
 Звезда восхода, что сияет в полдень,
 Сердолик драгоценный, топаз из Мар-
 хаша,
 Диадема для царской дочки, источаю-
 щая прелесть,
 Печать драгоценного камня — украше-
 ние, подобное солнцу,
 Оловянный браслет, кольцо Антасурры.
 Слиток золота, серебра чистейшего»
 (22—28)⁶⁶.

Как нам представляется, данный отрывок можно рассматривать не только в связи с Песнью Песней, но и в связи с описанием коварной женщины из Еккл. 7:26. Можно предположить, что библейский автор при составлении своего описания коварной женщины имел в виду подобного рода тексты, превозносящие женщину. Сравнениям, превозносящим женщину, он противопоставил свои сравнения, ее уничижающие. В результате этого прекрасный браслет превратился в кандалы. Впрочем, здесь Екклезиаст также был не особенно оригинален, поскольку задолго до него все те же шумеры говорили с печалью: «Кто не имел ни жены, ни дитя, тот не знает аркана»⁶⁷.

Итак, налицо противоречивость и шумерских поговорок, и Книги Екклезиаста. Традиционно противоречивость, некоторый скепсис Книги Екклезиаста связывают с поздним временем ее происхождения, с эпохой «Осевого времени»⁶⁸. Однако сравнительный анализ этой книги и древних шумерских поучений показывает, что корни этой книги, в том числе истоки ее противоречивости, уходят в более глубокую толщу времен, что эта книга напоена в большей степени соками народной мудрости.

Можно полагать, что противоречивость Книги Екклезиаста укоренена в истоках литературы мудрости в целом, в традиции народной мудрости, в мире пословиц и поговорок. Противоречивость поговорок проистекает от противоречивости самой жизни. Поговорки только фиксируют различные проявления жизни, конкретные жизненные ситуации. При этом, как правило, отсутствует концептуальный подход. Поговорки имеют практическую цель — дать житейский совет, который может помочь избежать неприятностей. Поэтому картина мира поговорок выглядит зачастую противоречивой.

Связь Книги Екклезиаста с народной мудростью порождают и ее внешнюю противоречивость, и ее глубокие внутренние симпатии к простому человеку. Автор книги очень хотел показать себя царем, но это внешнее самопредставление разрушается самим внутренним содержанием книги (и в этом тоже можно видеть одно из противоречий Книги Екклезиаста).

И, наверное, именно эти истоки книги делают ее столь притягательной для людей всех времен, людей, принадлежащих к самым разным национальным, культурным и социальным слоям, для людей, которые могут считать себя и верующими, и неверующими. Автор книги стремился говорить одновременно на нескольких «языках», которые были бы понятны всем людям, стремился к абсолютной универсальности. И до всех этих разных людей он стремился донести самую главную мысль: если Бога нет, то в этом мире и в этой жизни нет никакого смысла, но если Он есть, то нужно жить, сообразовывая свои мысли и поступки с Его волей, даже если Его замыслы и не всегда понятны человеку, а данная Им жизнь поражает своими противоречиями.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Например, в известной Истории Древнего Востока, написанной Б.А. Тураевым в

начале XX в., целый раздел имеет название «Сеннаарско-египетская эпоха» (Тураев, Б.А. История Древнего Востока / Б.А. Тураев. — Минск : Харвест, 2002. — С. 71).

Вместе с тем, Сеннаар упоминается и в библейских повествованиях, относящихся к гораздо более позднему времени: Ис. Нав. 7:21; Ис. 11:11; Дан. 1:2; Зах. 5:11.

² Крамер, С. Шумеры. Первая цивилизация на земле / С. Крамер. Перевод с английского А.М. Милосердовой. — Москва : ЗАО Центрополиграф, 2002. (Загадки древних цивилизаций). — С. 330.

³ Крамер, С. Шумеры. Первая цивилизация на земле. — С. 331.

⁴ Van Dijk, J. La sagesse sumero-accadienne. — Leiden : Brill, 1953.

⁵ См.: Gordon, E.I. A New Look at the Wisdom of Sumer and Akkad / E. I. Gordon // *Bibliotheca Orientalis*. — 1960. — № 17. — P. 122—152.

⁶ Gordon, E.I. A New Look at the Wisdom of Sumer and Akkad. — P. 124.

⁷ О разном понимании литературы мудрости и классификации этой литературы см.: Alster, Bendt. *Wisdom of Ancient Sumer* / B. Alster. — Bethesda, Maryland : CDL Press, 2005. — P. 18—21.

Сам. Б. Альстер выделяет такие группы произведений литературы мудрости: поучения отца к сыну, практические советы, диалоги и диспуты, школьные композиции, собрания притч, собрания загадок, краткие назидательные истории (нравственного, юмористического характера), басни, сказки, сатирические произведения. Впрочем, этот же исследователь отмечает, что абсолютно четко провести границы шумерской литературы мудрости едва ли возможно. См.: Alster, Bendt. *Wisdom of Ancient Sumer*. — P. 22—24.

⁸ Alster, Bendt. *Wisdom of Ancient Sumer* / B. Alster. — Bethesda, Maryland : CDL Press, 2005.

⁹ Крамер, С.Н. История начинается в Шумере / С.Н. Крамер. Перевод Ф.Л. Мендельсона. — Москва : Наука, 1965. (По следам исчезнувших культур Востока). — С. 140.

¹⁰ Крамер, С.Н. История начинается в Шумере. — С. 142.

¹¹ Афанасьева, В. Библейские сюжеты в шумерской литературе (Дохристианские культуры и Библия) / В. Афанасьева // *Мир Библии*. — Москва. 2011. — (С. 43-68). С. 51.

¹² Афанасьева, В. Библейские сюжеты в шумерской литературе (Дохристианские культуры и Библия). — С. 51.

¹³ Chiera, Edward. *Sumerian Texts of Varied Contents* / Edward Chiera. — Chicago : The University of Chicago Press, 1934 (*Cuneiform Series. Volume IV*). — Pl. 1—9 (*Proverbs*).

Chiera, Edward. *Sumerian Epics and Myths* / Edward Chiera. — Chicago : The University of Chicago Press, 1934. (*Cuneiform Series. Volume III*). — Pl. 69—79 (*E-dub-ba Literature*).

¹⁴ См., например, книги: Крамер, С.Н. История начинается в Шумере / С.Н. Крамер. Перевод Ф.Л. Мендельсона. — Москва : Наука, 1965;

Крамер, С. Шумеры. Первая цивилизация на земле / С. Крамер. Перевод с английского А. Москва. Милосердовой. — Москва: ЗАО Центрополиграф, 2002.

¹⁵ Gordon, E. *Sumerian Proverbs* / E. Gordon. — Philadelphia, 1959.

Gordon, E.I. A New Look at the Wisdom of Sumer and Akkad / E.I. Gordon // *Bibliotheca Orientalis*. — Leiden, 1960. — № 17. — P. 122—152.

¹⁶ Alster, Bendt. *Wisdom of Ancient Sumer* / B. Alster. — Bethesda, Maryland : CDL Press, 2005.

Sumerian Proverb Collection 3 / B. Alster // *The Context of Scripture. Vol. I. Canonical Compositions from the Biblical World*. Editor William W. Hallo. — Leiden-Boston : Brill, 2003. — P. 563—567.

Alster, Bendt. *Proverbs of Ancient Sumer: The World's Earliest Proverb Collections* / B. Alster. — Bethesda, MD : CDL, 1997.

Alster, Bendt. *Like a Clod thrown into Water: On the translation of a Sumerian Proverbial phrase* / B. Alster // *Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes*. № 86. — 1996. — S. 17—20.

Alster, Bendt. *Early Dynastic Proverbs and Other Contributions to the Study of Literary Texts from Abu Salabih* / B. Alster // *Archiv für Orientforschung*. № 38. — 1992. — S. 1—51.

Alster, Bendt. *Sumerian Proverb Collection XXIV* / B. Alster // *Assyriological Miscellanies*. № I. — 1980. — P. 33—50.

Sumerian Proverb Collection 3 / B. Alster // *The Context of Scripture. Vol. I. Canonical Compositions from the Biblical World*. Editor William W. Hallo. — Leiden-Boston : Brill, 2003. — P. 563—567.

¹⁷ Black, J. A.; Cunningham, G.; Robson, E.; and Zylomyi, G. *The Electronic Text Corpus of Sumerian Literature (ETCSL)*. Oxford, 1998. Режим доступа: <http://etcsl.orinst.ox.ac.uk/catalogue/catalogue6.htm> (первое издание); http://etcsl.orinst.ox.ac.uk/cgi-bin/etcsl.cgi?text=c.6.1*# (второе издание). Дата доступа: 02.01.2012.

¹⁸ См., например: Alster, Bendt. *Proverbs Quoted in Other Genres* / B. Alster // *The Context of Scripture. Vol. I. Canonical Compositions from the Biblical World*. — P. 568.

¹⁹ Крамер, С.Н. *История начинается в Шумере*. — С. 142.

²⁰ Крамер, С. Шумеры. *Первая цивилизация на земле*. — С. 249.

²¹ Емельянов, В.В. *Древний Шумер. Очерки культуры* / В.В. Емельянов. — Санкт-Петербург : Петербургское Востоковедение, 2001. (Мир Востока, 7). — С. 212.

²² Крамер, С. Шумеры. *Первая цивилизация на земле*. — С. 293.

²³ Крамер, С. Шумеры. *Первая цивилизация на земле*. — С. 294.

²⁴ Крамер, С. Шумеры. *Первая цивилизация на земле*. — С. 294.

²⁵ Крамер, С. Шумеры. *Первая цивилизация на земле*. — С. 296.

²⁶ Крамер, С. Шумеры. *Первая цивилизация на земле*. — С. 249.

²⁷ Емельянов, В.В. *Древний Шумер. Очерки культуры*. — С. 271.

²⁸ Емельянов, В.В. *Древний Шумер. Очерки культуры*. — С. 271.

²⁹ Емельянов, В.В. *Древний Шумер. Очерки культуры*. — С. 271-272.

³⁰ Емельянов, В.В. *Древний Шумер. Очерки культуры*. — С. 272.

³¹ Здесь и далее транслитерация и перевод притч заимствуются из Интернет-сайта «The Electronic Text Corpus of Sumerian Literature» (Black, J. A.; Cunningham, G.; Robson, E.; and Zylomyi, G. *The Electronic Text Corpus of Sumerian Literature (ETCSL)*. Oxford, 1998-. Режим доступа: <http://etcsl.orinst.ox.ac.uk/catalogue/catalogue6.htm> (первое издание); http://etcsl.orinst.ox.ac.uk/cgi-bin/etcsl.cgi?text=c.6.1*# (второе

издание). Дата доступа: 02.01.2012). В круглых скобках обозначается номер кол-лекции и номер поговорки в соответствии с их публикацией на указанном сайте.

³² Эта дидактическая поэма встречается (хотя и в различном объеме) в разных текстах. Полный ее текст приводится здесь по изданию: Alster, Bendt. *Proverbs Quoted in Other Genres* / B. Alster // *The Context of Scripture. Vol. I. Canonical Compositions from the Biblical World*. — P. 568

³³ «Пускай свой хлеб по лицу вод, и через много дней найдешь его (כִּי־רַב הַיָּמִים תִּמְצָאֵהוּ)». Данный стих можно понимать как призыв к добродетели, к совершению благородных поступков, благотворительности, которая впоследствии будет вознаграждена. «В образных выражениях Екклесиаст призывает к самой широкой благотворительности, чуждой всякого расчета на личную выгоду» (Мышцын, В. Книга Екклесиаста / В. Мышцын // Толковая Библия, или Комментарий на все книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Издание преемников А. П. Лопухина. Т. 5. — Санкт-Петербург. 1908. — С. 32). Вместе с тем, в этом отрывке можно усматривать и указание на коммерческую деятельность, морскую торговлю (см., например: Horne, Milton P. *Proverbs-Ecclesiastes* / Milton P. Horne. Macon: Smyth & Helwys Publishing, 2003. (Smyth & Helwys Bible commentary, 12). — P. 523), которая способна принести немалую выгоду. Смысл данного стиха в общем контексте, если в нем идет речь о коммерческих предприятиях, таков: для того, чтобы получить выгоду, нужно подвергнуться некоторому риску. О рискованной, но очень выгодной морской торговле говорится в ряде библейских мест (3 Цар. 9:26–28; 10:22; Пс. 106:23), связанных, в том числе, и с историей царствования Соломона. При таком понимании стих можно перевести так: «Посылай зерно твое за море, и через некоторое время ты получишь прибыль».

В связи с Еккл. 11:1 интересна шумерская поговорка, сравнивающая хлеб с кораблем: «Хлеб — корабль, вода — весло (ninda gi-ma2-am3 a gicgi-muc-am3)» (1:53). Скорее всего, в этой поговорке речь идет о том, что еда и питье необходимы для жизни человека. В этом случае жизнь сравнивается с плаванием. Как бы то ни было, шумерское сравнение хлеба с кораблем формально сходно с подобным сравнением из Еккл. 11:1.

³⁴ Синодальный перевод: «Слова мудрых — как иглы и как вбитые гвозди, и составители их — от единого пастыря».

Перевод А.Графова: «Речи мудрых — это стрекало, и собранные пословицы — как колышки, вбитые одним пастухом» (Притчи. Книга Екклесиаста. Книга Иова. — Москва : Российское библейское общество, 2000).

³⁵ Вторая часть стиха может переводиться по-разному. Синодальный перевод: «То же делает небольшая глупость уважаемого человека с его мудростью и честью». Перевод А.Э. Графова: «Малая глупость перевесит и мудрость, и почет» (Притчи. Книга Екклесиаста. Книга Иова. — Москва: Российское библейское общество, 2000). Текст Септуагинты предлагает иной вариант, который, впрочем, не совсем согласуется с общим контекстом - ti,mion ovligon sof,aj ure.g do,xan avfrosu,nhj mega,lhj («небольшая мудрость более драгоценна, чем большая слава глупости»).

³⁶ В одной из притч также рассказывается о собаке, которая проникла на склад, откуда ее стал выгонять купец, сломавший собаке лапу деревянным дверным засовом (5:102).

³⁷ Жрец к «Горе бессмертного»... Перевод В. Афанасьевой // Поэзия и проза Древнего Востока. — Москва : Художественная литература, 1973. (Библиотека всемирной литературы). — С. 133.

³⁸ Афанасьева, В. Библийские сюжеты в шумерской литературе (Дохристианские культуры и Библия) / В. Афанасьева // Мир Библии. Выпуск 8. — Москва. 2011. — С. 43—68.

³⁹ Франкфорт, Г.; Франкфорт Г.А.; Уилсон Дж.; Якобсен, Т.В. преддверии философии. Духовные искания древнего человека. Перевод с английского Т. Толстой / Г. Франкфорт, Г.А. Франкфорт, Дж. Якобсен Уилсон, Т. Якобсен. — Санкт-Петербург : Амфора, 2001. — С. 190.

⁴⁰ Крамер, С.Н. История начинается в Шумере. — С. 144.

⁴¹ См. также: «Никто так не высок, чтобы дотянуться и прикоснуться к небесам (su-kux-ga₂ an-na su nu-un-la₂), никто так не широк, чтобы окружить мир (dajal-e ki-in-du /la\-[ba]-an-cu₂-cu₂), никто так не силен, чтобы растянуть всего себя в кровати (kalag\-/ga\ ki-nu₂ /ni₂ nu\~nu-un-gid₂-de₃). Но ты, который ревешь, как буря, можешь ли ты стать таким, как лев ([za-e]-me-en [ud\-/gin₇\ dug₄-dug₄-ga /pirij\~gin₇ ni₂ he₂-gub)?» (22.II.203-206).

⁴² Септуагинта, Вульгата, Синодальный текст под словом (гw;x) понимают дух человека. Видимо, такое понимание подкрепляется тем, что в следующей части стиха говорится о бессилии человека перед днем смерти. При этом высказывания: «Человек не властен над духом, чтобы удержать дух» «и нет власти у него над днем смерти», — могут рассматриваться как параллельные, говорящие об одном и том же. С другой стороны, это слово в книге (например, в 1 главе) обозначает ветер. И если следовать такому пониманию, то мы имеем дело с удачным сравнением: как человек не может ухватиться за ветер, не властен над ветром, так же он не властен и над днем смерти. Этот вариант перевода использует А. Графов: «Человек не властен удержать ветер» (Притчи. Книга Экклезиаста. Книга

Иова. — Москва : Российское библейское общество, 2000).

⁴³ Притчи. Книга Экклезиаста. Книга Иова. — Москва : Российское библейское общество, 2000.

⁴⁴ При переводе Еккл. 5:8 может возникать вопрос и о том, кого обозначает слово lK. Исходя из контекста, это слово можно связать с упомянутыми в предыдущем стихе высокими чиновниками, которые обогащаются, обманывая простых людей. Тем более, что это слово употребляется с определенным артиклем. Стих, таким образом, подчеркивает эксплуатацию бедных землевладельцев со стороны людей, обладающих властью и ненасытностью.

⁴⁵ Английский перевод и шумерскую транслитерацию этого произведения см.: The debate between Sheep and Grain // ETCSL. Режим доступа: <http://etcsl.orinst.ox.ac.uk/section5/tr532.htm#para19>. Дата доступа: 02.01.2012. Интересующее нас место передается здесь следующим образом: «Whoever has silver, whoever has jewels, whoever has cattle, whoever has sheep shall take a seat at the gate of whoever has grain, and pass his time there».

В переводе Б. Альстера рассматриваемый отрывок звучит так: «He who has silver, he who has precious stones, he who has oxen, he who has sheep, must wait in the city gate for the man who has grain» (Alster, Bendt. Proverbs Quoted in Other Genres / B. Alster // The Context of Scripture. Vol. I. Canonical Compositions from the Biblical World. — P. 568).

⁴⁶ «Бедняку лучше умереть, чем жить; если у него есть хлеб, то нет соли, если у него есть соль, то нет хлеба, если есть мясо, то нет ягненка, если есть ягненок, то нет мяса» (Крамер, С.Н. История начинается в Шумере. — С. 144).

⁴⁷ Крамер, С. Шумеры. Первая цивилизация на земле. — С. 292.

⁴⁸ Синодальный перевод: «и не было бы ему погребения». Подобным образом передает это выражение и А. Графов: «и даже остался без погребения» (Притчи. Книга Экклезиаста. Книга Иова. — Москва : Российское библейское общество, 2000). Представляется, что в общем контексте речь идет не об отсутствии должного погребения, а о бесконечной жизни на земле: бесконечная жизнь в страданиях хуже, чем мимолетная жизнь выкидыша, который даже не смог увидеть этот мир.

⁴⁹ Обычно стих Еккл. 9:14–15 передается иначе: «В нем нашелся мудрый бедняк, и он спас своею мудростью этот город; и однако же никто не вспоминал об этом бедном человеке» (Синодальный текст); «Но нашелся там мудрый бедняк, и он спас своею мудростью этот город. А после никто из горожан о том бедняке и не вспомнил» (А. Графов (Притчи. Книга Экклезиаста. Книга Иова. — Москва : Российское библейское общество, 2000)). Вместе с тем, глагол, используемый в данном стихе, может иметь модальный смысл, выражая возможность (которую упустили) — «и он мог бы спасти город своей мудростью». С учетом замечания 16 стиха о том, что слов мудреца не слушают и его мудростью пренебрегают, окончание 15 стиха можно понимать в том смысле, что бедняка никто не стал слушать, его советы оказались невосстановленными, никому не пришло в голову обратиться к нему за советом, вспомнить о нем, обратить на него внимание.

⁵⁰ Крамер, С. Шумеры. Первая цивилизация на земле. — С. 293.

⁵¹ Крамер, С.Н. История начинается в Шумере. — С. 145.

⁵² «Кто строит, как господин, живет как раб; Кто сторит как раб, живет как господин» (Крамер, С.Н. История начинается в Шумере. — С. 148).

⁵³ См. сходную по выражениям, но противоположную по общему смыслу поговорку: «Кто имеет серебро — счастлив ([kug] /tuku\ sag₄ an-hul₂), кто имеет зерно — чувствует себя хорошо ([ce] /tuku\ ur₅ an-sag₉), но кто имеет домашний скот — не может спать ([ni₂-ur₂]-/limmu₂\ tu_{ku}-e [u₃ nu-un-ci]-ku-ku)» (22.11.284-286). Очевидно, что одни и те же выражения используются для описания разных ситуаций. Обладание может давать достаток и покой, но оно же способно лишать покоя.

⁵⁴ Традиционно стих Еккл. 4:5 понимается несколько иначе, как описание бедственного положения глупца: «Глупый сидит, сложив свои руки, и съедает плоть свою» (Синодальный перевод). Однако с учетом следующего стиха, подчеркивающего предпочтительность покоя перед утомительной деятельностью, возможно иное понимание данного выражения: глупый проедает то, что у него есть, ничего нового не создавая. Т. е. стих 4:6 показывает, что глупый в своем бездействии не так уж и глуп. Под глупостью может пониматься неумелость человека, его неспособность к практической деятельности. Стих в этом случае перекликается с ситуацией, описанной в 2:18–23, когда имущество человека, приобретенное благодаря мудрости, приобретенное трудом, не дающим покоя даже ночью, достанется другому, глупому. Поэтому — зачем трудиться?

⁵⁵ «Рука и еще рука — и дом построен, утроба и еще утроба — и дом разрушен (Крамер, С.Н. История начинается в Шумере. — С. 148).

⁵⁶ Крамер С. Шумеры. Первая цивилизация на земле. — С. 292.

⁵⁷ См.: Alster, Bendt. Paradoxical Proverbs and Satire in Sumerian Literature / Bendt Alster // Journal of Cuneiform Studies (JCS). 1975. — № 27. — P. 210–230.

⁵⁸ Крамер, С.Н. История начинается в Шумере. — С. 144.

⁵⁹ Окончание стиха может быть переведено так: «К чему тебе разочаровываться (удивляться)?» Слово $\text{m}^{\text{u}}\text{u}^{\text{u}}$ - это имперфект второго лица единственного числа мужского рода породы Гитпаель глагола m^{u} , «столбенеть, изумлять, ужасать, пустеть». В породе Гитпаель он имеет значение «изумляться; разорять, разрушать, опустошать, истреблять, изнурять себя». Поэтому возможны такие варианты перевода: «К чему тебе опустошать себя?», «Зачем тебе разрушать себя?», «Зачем тебе самоистребляться?». Однако этот глагол преимущественно употребляется в значении «изумляться, поражаться, смущаться, ужасаться, онеметь» (Пс. 142:4; Ис. 59:16; 63:5; Дан. 8:27). При переводе окончания стиха — «к чему (зачем) тебе удивляться?», — общий смысл стиха будет таков: поступай умеренно, чтобы тебе, праведнику, самому не удивляться тому, что ты страдаешь, а грешник наслаждается жизнью, не разочаровываться в традиционном представлении о связи правильного поведения и успеха. (Net Bible. First Edition. A New Approach to Translation, Thoroughly Documented. With 60,932 Notes. By the Translators and Editors. (www.bible.org). Biblical Studies Press, 2005. — Р. 1209).

⁶⁰ Окончание 18 стиха в Синодальном переводе звучит несколько иначе: «потому что кто

боится Бога, тот избежит всего того». При этом непонятно то, чего избежит боящийся Бога — несчастий или кичливой праведности. Перевод А. Графова говорит об избегании «всех бед»: «Кто боится Бога, избежит всех бед» (Притчи. Книга Экклезиаста. Книга Иова. — Москва : Российское библейское общество, 2000).

⁶¹ «Беспокойная женщина в доме прибавляет к горю болезнь» — Крамер, С. Н. История начинается в Шумере. — С. 146.

⁶² Крамер, С.Н. История начинается в Шумере. — С. 146.

⁶³ Крамер, С.Н. История начинается в Шумере. — С. 147.

⁶⁴ Крамер, С.Н. История начинается в Шумере. — С. 147.

⁶⁵ Cooper, Jerrold S. New Cuneiform Parallels to the Song of Songs / Jerrold S. Cooper // Journal of Biblical Literature. 1971. — № 90. — Р. 157—162

⁶⁶ Афанасьева, В. Библейские сюжеты в шумерской литературе (Дохристианские культуры и Библия) / В. Афанасьева. — С. 50.

⁶⁷ Крамер С. Шумеры. Первая цивилизация на земле. — С. 283.

⁶⁸ См., например, Вейнберг, Й. Введение в Танах. Писания / Й. Вейнберг. Иерусалим — Москва : Мосты культуры, 2005. — С. 179.